

Андрей ФАРУТИН

г. Петрозаводск

Часть четвертая
НА ЗАВИСТЬ ДУХАМ

Не сам погибель ищешь — она сторожит

Илья Белозерскому и Тимофею Тверянину жилось в Кургилове вольготно. Да нас-только покойно, что возвращаться в Даниловский монастырь с его строгим уставом и суровым распорядком им вовсе не хотелось. Илья-то привык жить по своему разумению. А вот не изведавший прежде самостоятельности, приучивший себя к безоговорочному послушанию Тимоха сам себе удивлялся, почувствовав вкус к вольной жизни и растущую мужскую привязанность к хозяйственной и статной Варваре Журавлихе.

Похоже, между ними уже установилось полное взаимопонимание. Вдовица, оценив добрый нрав и покладистый характер легко нашедшего общий язык с её детишками старшего гостя, с явной благосклонностью относилась к незатейливым знакам внимания с его стороны и, верно, дозревала до согласия на новое супружество. Пусть не по большой любви, да хотя бы из уважения. Тимофей Иванович однажды намекнул напарнику: дескать, не съездит ли тот в обитель один, чтобы разведать, как большаки отнесутся к его намерению оставить пустынь, перебраться насовсем в Водлозерский сузёмок и жениться на пригланувшейся ему вдове, бедным деткам которой не хватает отцовской заботы.

Илья недолго думая согласился. После известия о драматичном сватовстве Кольки Онуфриева к Дарье Дмитровой, наконец поставившем крест на не спешивших отступить до того ожиданиях её приветности, он ощутил в душе пустоту и понял, что его на Водлозере больше ничего не держит. Пора было возвращаться к обычным купеческим хлопотам, отбирать товары для нового обо-

Окончание. Начало в «Севере» № 1-2 за 2017 год.

ВО ИМЯ ТВОЁ...

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН
(ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ)

ПРЕДАНИЯ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Книга вторая

за, по доброму снегу добираться с ним до Пигматки и дожидаться там весны, чтобы по вскрывшемуся Онего и полноводной Вытегре отправиться в Вологду, где затерявшегося на севере сынка заждались родители.

Перед прощанием приятели удумали устроить добычливую рыбалку в проруби, чтобы вместе с Ильёй отправить в Данилов увесистую посылочку свежей рыбки. С расчётом на урожайный улов они собрались подалее уйти на лыжах в открытое озеро. Туда, где к северо-западу от Кургилова, в районе Берёзового острова, находились богатые рыбой луды. Такие сведения Тимоха разведal у старожилов и заверил вологжанина, что вполне наловчился управляться с малым неводом без лишних помощников. Дескать, содействие Илюхи потребуется разве для того, чтобы подстраховать его в вытягивании сети и перед тем шибко побуткать торбалом в пробоинах, вырубленных пешнёй во льду вокруг основной ердани, чтобы загнать побольше рыбы в опущенный туда невод.

На словах всё выходило просто. По-карельски про такой способ лова ещё говорят «тарбижать». Здешние рыбаки точно так ловили лещей да синцов и по весне, в период нереста, и летом: с трёх-четырёх лодок пугали рыбу бултыхающими в воде шестами, загоняя кортехов, тарабар, сугул в расставленные западней сети или направляя шук в устроенные для них курмы. Тверянин рассказывал, что лонись тоже участвовал в подобной рыбалке на зимнем Выгозере, где сам буткал жердью в проруби. Да не добавил, что, по сути, он оставался тогда на подхвате, а в иные незаметные со стороны секреты знатоков посвящён не был, никаких особенностей не углядел и решил самостоятельно испробовать представлявшую некоторую опасность подлёдную рыбалку впервые.

Снасти, провизию, кошелю для рыбы промысловики уложили в кережи и погожим утречком отправились в путь по припорошенной снегом ледяной глади. Шли часа три. Проруби взялись устраивать, когда уж скрылся из виду выступавший на юге мысок со стоявшей там деревушкой Гостьнаволока. На эту многотрудную работу тоже ушло время. Невелика забота — пробить во льду тяжёлой пешнёй дыры для торбал, и совсем другое дело — вырубить толстую ледовую корку по двухсаженному периметру да оттащить куски льда из воды от открывшегося проёма.

Словом, всерьёз умаялся непривычный к нелёгкой работе Илюха, на которого, конечно, выпала тут основная нагрузка по причине сухорукости его товарища. Парень уж и не рад был, что бездумно согласился на почин приятеля. Нет, чтоб там же, в ближнем проливчике, в готовую прорубь сеть бросить, где Тимоха не раз прежде один рыбачил. Вот понадобилось же ему покруче отличиться, дабы обязательно ублажить даниловских большаков крупным уловом. Он всё приговаривал в запале: «Много — хорошо, а больше — лучше того». Своим желанным отличием мужик будто вернее хотел выкупить право на вольную жизнь в отлучке от приковавшей его к себе давней привычкой святой обители, приютившей беглого тверского крестьянина в трудные дни.

Очистив ердань, обессиливший Белозерский настоял на отдыхе с перекусом. А время бежало неумолимо. Задержка с рубкой крепкого льда заставляла торопиться. Зимний день на севере недолог. Скорые сумерки могли застать незадачливых рыбаков прямо посреди озера.

— Послушай, Иваныч, давай-ка для верности поставим наши кережи вместе в сторону берега. А когда начнёт смеркаться, пойдём не в Кургилово, но прямо к лесу. Нудью там запалим да спокойно переночуем у костра. Благо, меня Савва Каргополец научил на охоте, как в тайге ночлег устраивать, — предложил Илья, опасаясь, что после затягивающейся рыбалки путники могут в потёмках сбиться с обратной дороги.

— Есть в том сермяга. Ежели мы ноне не слишком много рыбы в сеть нагоним, так завтра наворачья добавим. Тады будет полный прибыток, — согласился Тимоха, заметно повеселевший от приглянувшегося ему решения. — Однако ж и в сей день мы поспеем спытать свою удачу. Токмо поспешать надоть, покуда свет не ушёл. Ты передохни ещё, а я пока невод налажу и в ердань спущу.

Наскоро перекусивший Тверянин засуетился над подготовкой выложенных из кереж снастей. Первым делом он растянул их во всю длину, а затем стал аккуратно опускать в воду: сначала — днищем расправлявшейся под водой мотни, потом — утонувшим под грузилами дальним краем невода. Оставшиеся от него длинные вожжи и всю ближнюю кромку распахнувшегося неводного зева сухорукий дани-

ловец надёжно намотал на забитые с боков проруби массивные кольшки — райды.

Наслаждавшийся отдыхом Илья, неторопливо продолжая обед, мало следил за хлопотами товарища, но зорче приглядывался к прибрежному лесу, загодя выбирая удобное местечко для ночной стоянки. Вдруг он разглядел вдали шедшую вдоль берега со стороны Гостьнаволока фигурку малорослого лыжника, похоже — мальчишки, тянувшего за собой санки с грузом. Возле одинокого путника, заинтересовавшего наблюдателя, то и дело появлялась огромная собака, всем своим видом и характерными звериными повадками скорее походившая на волка, но совершенно белой масти.

Было тут чему удивиться. Куда мог на ночь глядя направляться тот смелый пацан, пусть даже с таким матёрым верным псом? Ближе к устью Илексы за Гостьнаволоком никаких поселений больше не осталось. Затерянные в тайге редкие охотничьи избушки тоже надо было знать, где искать. Разве что чуть повыше по реке возле впадавшей в неё протоки Новгуды, говорили, жила в отшельничестве лесная дева Лессия, которую местные считали колдуньей и дочерью лешака.

Не она ли как раз идёт там на свой хутор? Тогда и догадка про волка оправдывается — люди бают, что ей звери да птицы запросто служат. Кажется, именно с ней дед Пеша предрекал Илюхе какую-то загадочную встречу... Наверное, что-то перепутал старый ведун. Скоро Илья навсегда уедет отсюда восвояси — и загаданная ему судьба опять не сложится, как несостоявшееся сватовство к Дарьюшке. Не бежать же сейчас ради исполнения пророчества к берегу, чтобы без всякого повода запросто познакомиться с той таёжной девой? Да, может, это и не она вовсе. Мало ли какие дела есть у того мальчишки в таёжном сузёмке... Он, видать, отца-полесника догоняет или везёт ему в условленное место припасы для продолжения фартовой охоты...

Как ни успокаивал себя вологжанин поиском убедительных объяснений появлению вдалеке от жилища странного лыжника, запавшие в голову случайные мысли растревожили его сердце, поскольку также невольно связались со случившимся в Васильевский вечер страшным видением через хомут. За минувшие с того дня две недели он успел позабыть о том вешем предзнаменовании трагической смерти друга и готов был теперь со

спокойным сердцем расстаться с Тимохой, напротив, ожидавшим вполне благополучного поворота в жизни... Но отчего же под лопатку снова кольнуло беспокойное предчувствие?

— Фу ты ну ты, колья гнуты... Илюха, хватит прохлаждаться! — отвлёк Тверянин напарника от нахлынувших на того переживаний. — У меня всё готово. Бери торбало да начинай буткать воду с дальних дырок! Буди рыбу, шибче загоняй её в невод цельными парвами, а я уже пригляжусь, как она в матицу заходит...

Едва успел Белозерский подняться и взять в руки длинную жердь, как вдруг краем глаза увидел то, чего, оказывается, так боялся. На карачках нагнувшийся над прорубью Тимоха случайно оскользнулся здоровой рукой о ледяной край ердани и, не имея возможности зацепиться за кромку бездействующей левой, пытаясь удержать спасительное равновесие, боком окунулся в воду головой вперёд. Издали ещё возникло такое впечатление, будто его кто-то намеренно схватил за руку и сильно дёрнул вниз.

— Тимоха, держись! — крикнул Илья, рванув выручать друга.

Подбежав к проруби, он успел наискосок просунуть в неё жердь, чтобы задержать погружение Тверянина на дно, затем, встав на колени, попытался ухватить приятеля за ногу и вытянуть его назад. Но Тимоха или уже наглотался воды, или сразу был обездвижен разбившей его судорогой, только почему-то ответного действия оказать никак не смог. Напоследок его потяжелевшее тело снова резко дёрнулось — и крепко державший порты тонувшего вологжанин сам с головой плюхнулся за ним в ледяную купель.

Тут уж не до жиру — самому б остаться живу. Илюхины руки невольно отпустили утопленника, вскинулись вверх, стали лихорадочно искать ячею закреплённой на райдах рыболовной сети, по которой можно было выбраться на поверхность. Но в то же мгновение тело пронзили колючки невыносимого холода, а на ногах будто что-то повисло тяжеленным грузом, упрямо утягивало вниз, пересиливало напряжение скрюченных пальцев, цеплявшихся за спасительный невод. В продолжавшейся недолгое время смертельной борьбе лицо барахтавшегося в ердани рыбака несколько раз то чуть высывалось над водой, поспешно глотая ртом живительный воздух, то вновь скрывалось в тёмной пучине... Пос-

леднее, что увидел захлёбывающийся Илья, теряя сознание, были горящие огнём глаза и ослепленная морда белого волка, зубами впевившегося в сеть, которую не отпускал безжизненно повисший на ней попавший в беду человек...

Без вести пропавший

Варвара Журавлиха забила тревогу о пропаже Постояльцев только к концу второго дня их отлучки. Одна ночёвка рыбаков в разговоре с ней допускалась, но задержка к следующему вечеру однозначно воспринималась как повод для беспокойства. Конечно, сначала вдова бросилась за помощью к участливому Пеше Корелянину, но дома его не застала. Попавшийся ей на глаза соседский парнишка Федька Иванов сказал, что старый ведун уж дня три назад ушёл на Колгостров в деревню Костин Двор лечить кого-то из захворавших домочадцев в семействе махлаков Лагиревых. Тогда Варвара побежала в Коскосалму к большаку Дмитрову.

Егор Фомич от неприятного сообщения донельзя расстроился.

— Эх ты, ёлочки-сосёночки... Пришла беда — отворяй ворота! Да как же так? Что с ими могло случиться? Почему ёни отправились в дальний край озера без местного проводника? Хоть бы Даньку Петрова али того же Федьку с собой прихватили. Ох, боюсь, не подстерёг ли их у скользкой пролубы Ильинский водяник. Ён в тех местах частенько балует. А от воды всегда жди беды, — сокрушённо охал умудрённый опытом промысловик.

На следующее утро он собрал боеспособных соседей в поход по следам отправившихся к Берёзовому острову даниловцев. Место их стоянки обнаружилось без труда. Ещё издали водлозёры заметили стоявшие рядом с прорубью кережи рыбаков, райды с привязанными к ним крыльями невода, торчащую из воды жердь. Верх самой ердани уже прихватил морозом свежий лёдок. Разбив его, спасатели вскоре вытащили тело Тимофея Тверянина, запутавшегося в заглеевших сетях вместе с приморившейся рыбой. Но молодого купца Белозерского рядом не отыскали, хотя тщательно шарили длинными жердями и по дну луды, и под ближними льдинами.

— Видать, сухорукий Тимоха нашему водяному

царю не глянулся, а здорового да крепкого Илью Павловича он со всем своим довольствием к себе в работнички утянул, — выразил опасения старожилы Архип Онуфриев.

— Не торопись, Архип Дементьевич, на тот свет краем глаза заглядывать. Погодим пока по рабу божьему Или панихиду заказывать. Сначала у Пешы Корелянина о ём проведаем. Сдаётся мне, что наш ведун совсем другую судьбу вологодскому гостю пророчил. И до тех пор будем считать его временно пропавшим, но нисколько не пропащим, а, вполне вероятно, ещё живым, — рассудительно сказал Дмитров.

— С чего ж ты, Фомич, к этакому разумению пришёл?

— Да ты приглядиись вокруг внимательнее. Вон видишь возле пролубы отчётливые следы от волчьих когтей... — показал бывалый полесник.

— Мама, не горюй! — подивился Онуфриев. — Врагу не пожелаю в этакое коготки попасть. Но что с того? Неужто ты думаешь, что Илюху не водяник зацепил, а волчина загрыз и в лес уволок?

— Окстись, сват Архип! — поспешно возразил Дмитров. — Когти есть, а крови-то в помине нету. Значица, не ради добычи волчара сюда приходил.

— Но ради чего? Не будешь же ты утверждать, что какой-то лютый зверь нашего купца из сострадания спас, из воды лапищами бережно вытащил и прихватил к себе в логово выхаживать? — крестьянин продолжал донимать большака глупыми вопросами.

Участвовавший в спасательной экспедиции Демид Иванов невольно усмехнулся подобной нелепице, как малое дитя.

— Не спешите насмехаться, земляки, поверьте моей охотничьей чуйке, — осадил соседей обидевшийся Егор Фомич. — Я ведь и другие следки окрест усмотрел. Вон там ножки ступали в мальчишеских каньгах, а вот здесь явно лыжи с тяжёлым грузом к берегу направились... Уж не знаю пока, как всё сие объяснить, но у меня теплится надежда, что кто-то нашего Илюшеньку впрямь от смертушки выручил.

— Тады на обратном пути нам не мешает в Гостьнаволок завернуть. Может, там парня Яковлевы выхаживают. А у их точно есть такой пёс, скажу без прикраски, что тот волчина здоровый, — предложил Демид.

— Так и порешим. Давайте-ка теперь, други

мои, покойного Тимофея Ивановича понаде́ж-
нее на санки уложим... Царствие ему Небесное!
— урюмо перекрестился на восток Дмитров.

— Не повезло дядьке Тверянину с кончиной, да
уж от смерти никому спрятаться не дано, — пе-
чально качали головами мужики, переноса тело
утопленника на прихваченные с собой сани,
поставленные на широкие лыжи.

— Вот же, приехал к нам с радостью для всей
округи, а уходит дак, оставляя о себе горькую па-
мять, — размашисто крестил и себя, и усопшего
Онуфриев.

— А уж какое горе опять в доме Журавлихи по-
селится. Я ить по-соседски примечал, что Варва-
ра в Тимохе не просто случайного гостя, но буду-
щего супруга видела... Надо ж такому случиться
— почитай, второго суженого водяник у неё от-
нял, — привязывая труп Тверянина к саням, буб-
нил себе под нос Демид Иванов.

Его догадка о возможной доставке спасённого
из проруби Ильи в Гостьнаволок не оправдалась.
Жившие там Яковлевы ни сном ни духом не зна-
ли о судьбе пропавшего у Берёзового острова ры-
бака. Оставалась одна надежда на всеведущего
деда Пешу.

Корелянин вернулся из Костина Двора только
к вечеру, когда извопившаяся по утрате своих
постояльцев Журавлиха уже обмыла тело Тверя-
нина и обрядила его в найденную для столь пе-
чально-торжественного случая приличную
одежду. Гроб для покойника наскоро сладили
рукастый Демид Иванов с сыном Федькой.
Проститься с приглянувшимся водлозёрам нез-
лобивым приезжим даниловцем собрались гости
из всех ближних деревень. Тогда у большака
Дмитрова и зашёл разговор со старым ведуном о
том, что могло произойти с не найденным на
месте происшествия Ильёй.

— По оставшимся вокруг пролубы следам нут-
ром чую, что Илюха жив остался, но ты меня,
старик, всё ж наверное успокой, — пристал Егор
Фомич к уставшему Корелянину, вроде ничуть
не удивившемуся произошедшим во время его
отлучки событиям.

— Значит, говоришь, возле ердани ты узрел от-
метины волчьих лап и мальчишеские следы в ва-
ленках? А если предположить, что то могли быть
девичьи ножки, будто не догадаешься теперь, где
нашего Ильмо искать надобно? — встречным
вопросом дал ведун намёк знатоку окрестностей.

— Неужто ты хочешь сказать, будто это Лессия
его к себе на Новгуду забрала? Да у ёй бы силёнок
не хватило вытянуть молодого тяжёлого мужика
в этакую даль... — тут же засомневался охотник в
осенившей его догадке.

— На то, дабы тяжести тягать, у неё Белик есть,
— дополнил объяснение Корелянин. — Благо, ты
не видел воочию сего могучего волка, её верного
охранника и помощника. Он покрупнее обыч-
ных зверей будет. А в стае потому не живёт, что
отличается от серых сородичей редкой белой
мастью. Лессия его, как мамка, сызмальства вы-
нянчила, посему он в ней души не чаёт и делает
всё, что она прикажет.

— Ёлочки-сосёночки, скажешь тоже, чтоб у
волка да душа была... — не удержался большак от
едкого замечания.

— Душа во всём сущем есть, что содеяно
Природой и её Небесным Творцом, — внуши-
тельно вразумил собеседника дед Пеша и, чуть
подумав, уверенно добавил: — Пожалуй,
счастливчику Ильмо повезло, что именно
Лессия поблизости оказалась. Иные люди бы
его спасти никак не смогли, а она вернее всех
вологжанина выходит — не только известными
ей целительными зельями, но и неведомыми
простым смертным чарами...

— Хоть на то наде́жа остаётся. Бог души не вы-
нет — сама душа не выйдет, — рассудительно со-
гласился Дмитров. — Но разве бы ты сам, Пеша,
так же не сделал, не исцелил Илюху?

— Тут любое промедление смерти подобно,
— устало ответил ведун. — Дабы откачать уто-
нувшего и отогреть внутренности от проморо-
зившей его ледяной водицы, надобно вовремя
рядом оказаться. А рядом случилась она.
Судьбину не обманешь...

— Этта ты про то вспомнил, что однажды го-
ворил о случайной встрече Ильи с Лессией? —
насторожился большак.

— И про сию спасительную встречу, и про их
роковую любовь с прочими предстоящими им
коньмалыми испытаниями, и про случившуюся
гибель Тимофея Ивановича, коего сам Ильмо в
вещем видении во гробу узрел в памятный Ва-
сильевский вечер... — опечаленный старик уже
не смог сдержать наворачнувшиеся на глаза слёзы.

— Выходит, ты обо всём загодя знал? А что же
предотвратить не мог?

— Провидение даёт только смутную догадку о

возможных в будущем событиях, но вовсе не указывает ни времени, ни обстоятельств, в кои они произойдут... — оправдывался ведун. — Кабы знать обо всём в подробностях, можно было впрямь соломку подстелить. Да на то он и рок, что сам выбирает свой срок... Посему ты меня не суди за мои познания — тяжкие, но, увы, не полные. Вот насчёт спасения Ильмо я тебя успокоил, а сам за него по-прежнему переживаю. И успокоюсь только тогда, когда сброжу на Новгуду к Лессии. Но вы туда ни в коем случае не суйтесь. Не то ненароком беду по незнанке накликаете. Уж я там досконально всё проведу, вернусь и вам без утайки обскажу. Пока одно ясно: Ильмо Павловича заодно с Тимофеем Ивановичем раньше времени не отпевайте. Есть у меня прозрение, что нас-то с тобой, Егор Фомич, парень наверняка переживёт.

Старик Корелянин исполнил обещание, сбродил на следующий день на Новгудский хутор. По его рассказам и сложилось это давнее предание о необычной любви.

Возвращение к жизни

Крепкий организм Ильи, едва выдержавший испытание клинической смертью, а следом сражённый жесточайшей простудой от купания в ледяной проруби, боролся с болезнью долго. Вологжанин больше месяца почти не приходил в себя, невнятно бредил о детстве, о Вологде, о деде Ерофее, о родителях и братьях... Сознание озарялось редкими яркими вспышками, порой удивлявшими не поддающимися логическому объяснению картинками, как бывает в тревожных снах.

Сначала в память запало видение о чудном воскресении. Казалось, он уже совсем умер, захлебнувшись переполнившей глотку водой, но потом вдруг на время ожил от резкой боли в груди... Кто-то ловкими ритмичными движениями выдавливал из его лёгких остатки губительной жидкости, а затем, легко прижавшись к телу, прислушивался к восстановившемуся мерцающему сердцебиению. Взволнованный девичий голос, журчавший как летний лесной ручеёк, будто бы произнёс:

— Вот какие мы с тобой молодцы, Белик! Пospelели-таки добра молодца спасти, не отдали

его дядюшке водяному... Теперь паренька надобно скоренько к нам в избушку отвезти, дабы отогреть и излечить. Я сейчас перегружу, что мне посильно, из санок в свою котомку, а ты поможешь мне взвалить парнишку туда и впряжешься в сани... Ну, как ты уже делал, когда мы на них что-нибудь тяжёлое возили...

Без того не очень-то осознававшему реальность Ильохе следующий эпизод вовсе показался диким бредом. Над ним на короткое время склонились две пары глаз. Красно-огненные волчьи он, похоже, недавно видел перед смертью. А рядом с ними светились лучистым изумрудным светом ласковые девичьи, тёплые и успокаивающие, от ангельского взгляда которых он снова стал впадать в забытье... Только в голове занозой засела пытавшаяся объяснить происходящее нелепая мысль: «Наверное, я всё же умер, а теперь ангел с дьяволом будут спорить промеж собой за мою душу и перетягивать меня к себе друг у друга... Пускай! От меня уж ничего не зависит. Кто пересилит, тому и достанусь... Спаси и сохрани мя, Господи, грешного...»

Следом его действительно стали куда-то перетягивать — почему-то за воротник тулупа и под руки, которые он вроде тоже ощущал вполне живыми. Потом его переваливали, укладывали, качивали, как младенца в зыбке, отчего Илья надолго отключился, убаюканный ожидавшимся им приключением в иной мир.

В очередной раз он полусонно очнулся на удобной лежанке. Стоявшая неподалёку печурка, казалось, дышала беспощадным жаром, от которого всё тело прошибло обильным потом и одновременно невыносимым ознобом.

«Неужто я перед дверями ада? Отчего здесь жар обжигает таким ледяным холодом, как в той злополучной проруби? — роились в голове удивлённые вопросы. — И откуда тут слышны голоса? И почему они оба неуловимо знакомы? Один журчит нежным лесным ручейком, а другой... Кого же напоминает другой? Ах да, так скрипел в прошлой жизни дед Пеша. Но он-то откуда взялся? Проведать меня пришёл? Уже ли ведунам да колдунам даже на тот свет дорога открыта? Молодец старик! Беспокоится обо мне, что-то просит за меня у моего ангела... Спаси ты, Боже, добрый дедушка Корелянин...»

В долгих беспокойных борениях одолевал не знаемую им прежде хворь Илья Белозерский. То

словно очухивался на мгновения от бреда, то снова забывался в горячечной лихорадке... Метался в поту, дрожал от пронзительного холода, пил из рук своего зеленоглазого ангела какие-то горькие отвары и сытные бульоны, безропотно подставлял тело под жгучие мази, терпел их обжигавшую кожу горечь и тошнотворный запах... И опять засыпал с крепнувшей благодарностью — так, дескать, обязательно надо, чтобы не достаться тому бесу с огненным взором, который иногда оказывался поблизости в пугающем обличе огромного белого волка, смотревшего на больного с затаённой ревностью и словно только ждавшего момента, когда наконец заботливому ангелу надоест с ним возиться и тот уступит жертву ему. А от эдакого беса потом ни крестом, ни перстом не отделаешься...

И всё-таки болезнь отступила. Ближе к началу марта, заулыбавшегося вешним солнышком, пришёл срок выздоровления. Сон Ильи стал намного спокойнее, дыхание ровнее, жар совсем спал, и лишь неимоверная слабость стреножила обессиленное тело. Однако же мысли в его голове потихоньку выстраивались в прежний стройный порядок. С ним крепло осознание того, что находится он не в потустороннем мире, не на том свете, а на славной грешной земле. Печурка вовсе не изрыгает адское пламя, но греет добрым теплом. Домик, где его приютили, оказался небольшой лесной избушкой. Зеленоглазый ангел — его миловидной хозяйкой, вошедшей в возраст расцвета девушкой обольстительной красоты со спускавшимися до круто-округлых бёдер тёмно-русскими волосами, завязанными цветастым готьяжком под самым затылком в конский хвост. И только белый волк оставался натуральным волком, конечно, страшноватым на вид, но, к счастью, очень даже послушным и, главное, никаким не дьявольским.

— Смотри-ка, Белик, кажись, наш болезный гость совершенно очухался! — заметив ставший осмысленным взгляд незнакомца, весело сказала девушка волку, мирно дремавшему на полковике возле двери. Зверь, наострив уши, приподнял голову и со спокойным хозяйским достоинством взглянул в сторону лежанки. В его глазах под солнечными бликами впрямь мелькали алые искорки, но вовсе не пугавший Илюху в бреду бесовский огонь.

Илья сообразил, что и раньше слышал, как хозяйка привычно разговаривала со своим питомцем или кого-то ещё громко окликала во дворе, выходя из избы. Явно не людей, которых, похоже, поблизости не было. А тогда действительно с кем ещё говорить лесной отшельнице, чтобы не забыть человеческую речь?

«Как же её зовут?» — пытался вспомнить вологжанин диковинную историю, рассказанную ему после кабаньей охоты большаком Егором Дмитриевым.

— Кличут меня Лессией, — угадав немой вопрос, отразившийся на озадаченном лице выздоравливающего, прожурчала подошедшая ближе к постели лесная дева. — А тебя, знаю, величают Ильёй Павловичем. Мне дед Пеша из Подгорья о тебе сказывал, когда ещё в конце января сюда заходил. После того как мы с Беликом тебя из проруби вытащили и привезли едва живого на нашу заимку, в тамошней округе тебя обыскали... Утонувшего твоего напарника нашли, а тебя нет. Испугались, что их дорогого гостя, большого вологодского купца, водяник утянул к себе в работники. Но я с ним сговорила по старой дружбе. Он согласился тебя отпустить, не стал у себя удерживать...

— Как сговорила? С кем? С водяным Ильинским? А-а... — сначала Илья опешил от изумления, но после осознал памятную байку о происхождении Лессии на свет и её близости к нечистым духам.

— Ну да, мы с ним давние знакомцы, — ответила девушка со смехом ускорившегося под уклон ручейка. — Ты, небось, слышал обо мне — я же не совсем к людскому роду принадлежу. Посему меня люди дичатся. Да и я близко чужого человека узнала впервые...

В разговоре возникла неловкая пауза. Парень вдруг покраснел от стыда, подумав о том, пока он лежал в горячке, эта красивая женщина-лешачка свободно распоряжалась всем его телом, беззащитным и нагим. Лессия догадалась о причине его смущения и тут же попыталась успокоить ненароком задетую мужскую гордость:

— Да не журишь ты по поводу эдаких мелочей, Илья Павлович. Что с того, коли я всего тебя просушивала от пота, растирала мазями, намывала, чтоб грязью не зарос? То ж по надобности делалось! Сам знаешь, больным на знахарей обижаться нельзя... А коли боишься,

будто у тебя что-то убыло, так сразу всё про-
верь, дабы обид не таить...

Девушка вела себя так естественно, хохотала так искренне и чисто, нисколько не смущаясь обычными людскими предрассудками, что вологжанин сразу позабыл о чуть не возникшем у него желании вечно чувствовать себя униженным и оскорблённым.

— Лады, забыли о том, — с лёгким сердцем согласился он. — Только ты меня больше по отчеству не называй. Мы же почти ровесники. Этак мне точно неудобно будет, не зная, как к тебе в ответ обращаться.

— Эгта ты верно заметил, гордиться отеческим именем у меня нет ни возможности, ни желания, — заметно взгрустнула собеседница. — Ведь я лишь наполовину человек, а наполовину дух лесной. Мудрый дед Пеша называет меня нимфой, вспоминая какие-то еллинские сказки о том, как некие олимпийские божества плодили от земных женщин детей-полубогов. Обидно, что в себе я божественных начал чувствовать никак не могу. Скорее получается, что меня угораздило родиться полубесовкой. А я не хочу, не хочу быть недочеловеком...

Изумрудно-лучистые глаза Лессии, словно зелёной тиной, затуманились влажной пеленой. У Ильи аж сердце захолонуло от острой жалости к девушке, в которой он вопреки всем слухам нутром почувствовал только страдающую человеческую природу, не зная, не видя, не желая замечать какой-либо иной стороны её натуры.

— Мне трудно тебя понять, Лессия, но, по моему, ты зря так говоришь, — Илья сделал попытку дотянуться рукой до своей врачевательницы, присевшей на край лежанки, наткнулся кончиками пальцев на округлое девичье колено и тут же их отдернул, почувствовав ощутимый разряд не случавшегося с ним раньше энергетического удара.

От неожиданности парень на миг осёкся, а чуть погодя, пряча настоящую причину своей смущённости и придав голосу виноватый тон чуть переступившего границы дозволенного ухажёра, продолжил:

— Прости, я наверное не должен был пытаться тебя погладить... Но видишь ли, что я тебе хочу сказать... Мой дедушка Ерофей Кириллович учил меня с детства, что не всякий рождённый среди людей в течение жизни может действи-

тельно стать таковым и заслужить право называть себя настоящим человеком... Для того надо ещё приложить немало душевных трудов, многое пережить, прочувствовать... И проникнуться состраданием к ближним, в житейских делах и повседневных заботах суметь наполнить себя высшими силами любви. А у тебя ведь это уже получается...

— Как? В чём? Почему ты так считаешь? — легко смахнув туман с прояснившихся глаз и пристально взглянув на Илью с новым интересом, девушка засыпала его удивлёнными вопросами.

— Ну, ты же не особенно раздумывала, когда бросилась меня спасать. И такой порыв говорит об одном: ты была готова к жертвенному поступку ради ближнего, пусть и незнакомого тебе путника...

— Я видела, что ты сам точно так же поступил, когда без раздумий кинулся выручать своего товарища. Это же обычное дело...

— Не такое уж обычное. Другой как раз мог растеряться, испугаться, призадуматься, повременить... А мы с тобой, значит, очень похожи друг на друга решительностью, состраданием к людям, готовностью прийти к ним на помощь. Именно теми свойствами, с которыми растёт и укрепляется человеческий дух... Кстати, того моего товарища вы со своим знакомцем-водяным разве спасти не могли?

— Да я тебя-то едва к жизни вернула. А он гораздо раньше утонул и напрочь в сетях запутался. Как утопленника, дядюшка водяной, конечно, мог взять его к себе, но он бы перестал быть человеком. Так и моя мамушка Ирья, поскоку сама от стыда бросилась в омут, то нашла у водяного царя тёплый приём и стала теперь русалкой...

— Э-э, нет, для крещёного такой исход никак не годится. Пусть уж Тимофей Иванович покоится с миром в Царствии Небесном, — с усилием перекрестился Илья, по привычке пытаясь отыскать в красном углу избы полочку с иконами.

— Не ищи здесь божницу — её у меня нету, — догадливо предупредила Лессия. — Нас с мамушкой никто не крестил как потомков кургиловского колдуна... Ну, а я ко всему прочему вовсе нечистая сила и бесовское отродье... Мне с Богом никогда не сговориться.

— Да что ты себя всё коришь понапрасну? — заспорил вологжанин. — Не ты же сама виновата в том, что по судьбе такой уродилась. Зна-

чит, и спрос с тебя другой. Повторяю: главное, постараться внутренне сделаться человеком и ни в коем случае не отказываться от сего твёрдого намерения, чтобы впрямь не превратиться в настоящую бесовку.

— Хорошо, Илья, что ты меня поддерживаешь, — благодарно откликнулась девушка. — От этого я как-то увереннее, спокойнее себя чувствую. У нечистых духов этакое спокойствия никогда не бывает. Оттого они особенно людям завидуют и злятся на них. Знаешь, по какой причине?

— Откуда ж мне их особенки знать? — растерялся Илюха. — Это наш мудрый дед Пеша почти во все тайны мира посвящён...

— Да, Пеша Корелянин — великий провидец и могучий знаток магии, — согласилась лесная дева. — До водлозерской нечисти слава о нём аж от самой Смерть-горы дошла. Его потому тут опасаются — он в признанном порядке получил право посредничать между смежными мирами. Дед Пеша впрямь знает: зависть злых духов к вам происходит именно от того, что людей, как свои творения, Отец Небесный безмерно любит и за многое прощает. Даже многогрешный человек может всё-таки до кончины земной жизни заслужить Его прощение чистыми молитвами и честным раскаянием в содеянных им проступках... А свергнутым с небес за тяжкие провинности перед Богом бывшим ангелам сие не дано ни при каких условиях.

— Честно признаюсь, мне мой дедушка Ерофей о том же говаривал, — вспомнил юноша дедовские уроки, — но я думал, у нечистых есть ещё какие-то тайные заморочки.

— По твоим воспоминаниям в бреду я уже домыслила, что дедушка твой был человеком умным и отважным, — доверительно улыбнулась Лессия. — И некоторые другие события из твоей жизни меня страсть как заинтересовали. Надеюсь, Илья, ты мне о них расскажешь подробнее. Ну, а я поделюсь с тобой знаниями о заморочках нашей нечисти. Пока ты окончательно не окрепнешь, времени у нас будет достаточно...

Рождение любви

Время шло. Отношения связанных несчастным случаем молодых людей становились всё доверительнее. Илья, поддавшись искрен-

ним убеждениям заботливой сиделки, сумел-таки преодолеть природную стеснительность в щекотливых ситуациях ухода за его телом. Да и в рассказах о своей прошлой жизни он ничуть не кривил душой, видя неподдельный интерес в разговарившихся глубоким зелёным светом глазах лесной отшельницы, совершенно незнакомой с жизнью большого мира. Незаметно для себя он привык к ощущению приятельской привязанности и тёплой близости к терпеливо-ласковой знахарке.

Когда выздоравливающий уже смог встать на ноги и хотя бы с трудом передвигаться, Лессия повела его в стоявшую неподалёку от избы маленькую баньку. Лево́й рукой Илья обнимал девушку за плечи, правой помогал себе идти длинной палкой.

Натоптанная от крыльца тропка сначала полого спускалась вниз между осевшими сугробами, покрывшимися коркой наста, а дальше по вырубленным до самой земли ступеням круто сбегала ко льду Илексы, на котором близ берега чернела прорубь. Впечатление шири добавляла реке уходившая наискосок к устью протока, продолжавшая невеликую Новгуду, впадавшую в Илексу с другой стороны, повыше дома Лессии. Больше на берегах не виделось никаких просветов между стоявшими друг против друга плотными стенами присыпанного снегом дремучего леса.

В жарко натопленной по-чёрному бане в охотку наглотавшийся свежего воздуха Илья снова почувствовал слабость от непривычного напряжения сил и не выветрившегося до конца угара. Лессия помогла ему раздеться, уложила на полок и принялась умело парить сразу двумя вымоченными в кипятке густыми берёзовыми вениками. При этом она сама без смущения тоже обнажилась, как обычно принято у чухонских народов, не признающих в парилке половых различий.

Притомившийся Илья, блаженно закрывший глаза от давно забытого удовольствия, не сразу заметил, что его банщица рядом нагая, а когда сквозь клубы пара увидел её, то обомлел, растерялся от смутившего его соблазна. Стройные ноги, круглые бёдра, тонкая талия, наливные груди с заострившимися шишечками сосков, рыжеватые островки тонких кудряшек волос под мышками и там, под пупком... Ох, пробившее всё его существо желание вмиг одолело жалкую телесную слабость, тело вновь испытало неведомый энергетический разряд, заметно ожививший

вдруг выросшую и окрепшую мужскую плоть. Видать, и возле святых черти водятся, а коль бес рядом ходит, так на грех наводит.

Теперь уж Илюха вовсе не знал, как себя вести дальше. Он старался не смотреть на Лессию. Даже когда она попросила попарить её саму, он, отведя глаза в сторону от манившей взгляд картины, молотил вениками наугад. Чтобы не показывать своё увеличившееся в размерах хозяйство, парень попробовал зажать его между ног, неловко поворачиваясь к напарнице то спиной, то боком. Но унять охватившее его нервное возбуждение никак не мог, потому нашёл в себе силы быстренько помыться и одеться самостоятельно, пока девушка голышом выбежала окунуться в прорубь после парилки.

Отдыхая в холодном предбаннике, Илья вдруг ясно осознал, что больше не сможет относиться к Лессии с прежним спокойствием, просто как к вылечившей его знахарке. Возможно, таившаяся в глубинах его сердца любовь к ней, наверное, возникшая гораздо раньше из искренней благодарности за спасение, теперь разрасталась в его душе во всю мощь, ширилась, распирала и переполняла её, рвалась наружу...

К Дарье Дмитриевой Илюха не испытывал похожей полноты чувств, хотя был уверен, что любил её. Однако новые ощущения оказались несколько не сравнимы с теми, скорее придуманными от мечтаний или скуки, чаще разгоравшимися на ревнивых угольках обиды от того, что внучка большака отдала предпочтение другому. Никто не спорит, Дарья, конечно, девица интересная, видная — статная красавица, умница, славуница... Ничего не добавишь и не отнимешь. Быть ей и доброй супругой, и заботливой матерью, и замечательной хозяйкой...

Но чудная Лессия... Она совсем иная. Впрямь не от мира сего, поистине неземное творение! И в то же время как по-земному близка, притягательна, обольстительна... Она ничуть не знает какого-либо женского стыда, лишена обычных людских предрассудков, осторожности, осмотрительности... Хотя в уме и рассудительности ей не откажешь... И красотой да статью она, пожалуй, даже Дарью обойдёт. Дитя природы... Выросший в естественных условиях прекрасный цветок — нежный, ласковый, хрупкий... Какая там бесовка? Ангел зеленоглазый! Как запал тот образ в бреду — так никуда от него не деться.

А можно ли любить Ангела как человека? И может ли Ангел полюбить, как простой человек? Да, Илюха, не разбери-пойми, что происходит, что стряслось с тобой самим и что тебя ожидает в будущем? Не об этом ли как раз повороте судьбы гадала тебе хитрая вешунья на Вознесенской переправе? Не эту ли сокровенную тайну скрыл от преждевременного любопытства Егора Фомича прозорливый дед Пеша?

Сумятица чувств в Илюхиной душе не укрылась от внимания чуткой Лессии. Разговор на эту тему состоялся у них в тот же день, когда они вернулись в дом после бани. Настояла на нём с виду не придававшая значения плотским мелочам лесная дева:

— Мне показалось, Илья, будто ты стал вести себя как-то странно. Вроде от пара прибиток сил почувствовал, да вдруг почему-то опечалился, посмурнел. Глаза, вижу, прячешь. Обиду, что ли, какую на меня затаил? За что? Объясни.

Прямые вопросы требовали прямых ответов. Да и в самом деле, чего тут скрывать, если без того обо всём рассказать самому хотелось. Любви да кашля ни от кого не спрячешь. Тайком бы в себе такие думы долго носить не удалось. Не в глаз же малая соринка попала — без честного выяснения отношений не миновать разлада, а то и до крупной ссоры рукой подать.

Взволнованно и путанно, но без утайки выложил вологжанин всё, что накопилось на душе. Начал Илья с озадачившего его год назад предсказания гадалки, потом вспомнил о пророчествах деда Пеша, о своих бредовых видениях, о возникших в сердце тёплых чувствах к Лессии, которые он прежде считал обычной, почти братской привязанностью, но вдруг в духмяном банном пару невольно залюбовался её прекрасной наготой и не смог удержаться от неодолимого мужского влечения... И тогда наконец понял, что полюбил её уже не по-братски, но как мужчина любит женщину...

Лессия слушала сбивчивые откровения парня с удивлением, словно открывала что-то до той поры неведомое, а после сама решила на объяснение:

— Про гадания и судьбоносные пророчества я всё понимаю. Мне дед Пеша тоже говорил о том, будто наша встреча предопределена и я почему-то должна опасаться возникновения между нами близости... Наверное, он имел в виду именно то,

о чём ты сейчас сказал... Но мне трудно самой о том судить, разобраться в себе... Никто не учил меня, не рассказывал, для чего людям нужна семья, не объяснял, что такое любовь... Я вовсе не знала, что мужчины и женщины созданы по-разному как раз для того, чтобы испытать некую её боль и наслаждение... О тебе я тоже думала, что вдруг нашла брата. Со стороны я видела, что у моей двоюродной сестры Агашки Петровой есть брат Данька, у Усти из Подгорья — Федыка Иванов, да и у других девчат в округе... И всё удивлялась, отчего они на вечерках ищут себе пары среди неродных людей, мечтают о какой-то любви, о верных суженых, о сватовстве и свадьбе... В лесу такого нету. Звери плодят себе подобных лишь по необходимости продолжения рода — у них животное устремление к совокуплению. Точно так поступает лесная нечисть. Мой отец насильничал мамушку по-звериному, в утеху своей похоти, без всякой любви... А вот ты такого сделать со мной не смог, хотя, говоришь, испытывал к тому неодолимо страстное желание...

— Если бы я так сделал, то сам свою любовь порушил, проявив неуважение к тебе... Я бы не смог себе этого простить, — смущённо промямлил Илья.

— Пожалуй, я бы тоже тебя не простила. И во избежание позора скорее могла б тебя запросто убить, потому что в память о маминих страданиях насилие ненавижу...

— И я его не приемлю, помня злую кончину бабушки Дуни и прабабушки Марфы, — горячо поддержал подругу парень. — Помнишь, я говорил тебе о том по рассказам деда Ерофея, наставления которого храню в душе как завешание...

Блеснувшие было в глазах собеседницы зелёные молнии гнева быстро стихли, спрятались в глубь зрачков, оставив на их поверхности лишь искры заинтересованности. Обоюдное сочувствие к тяжёлым воспоминаниям друг друга естественно подсказало поворот разговора в сторону взволнованного сближения. Лессия глубоко задумалась, словно взвешивала свои мысли и чувства на полноту искренности, и вдруг, собравшись с духом, выпалила:

— Я ведь тоже стала понимать: что-то во мне изменилось по отношению к тебе... Поначалу просто радовалась, что спасла человека. Позже мне показалось, что он отчего-то стал близок моей душе. После — ещё роднее, ну впрямь как

брат. Потом мне стало грустно думать, что скоро ты совсем выздоровеешь и навсегда уйдёшь... Будто с твоим уходом я потеряю что-то очень важное, чего ни с кем и никогда больше не смогу обрести... У меня тоже есть сердце. И оно тоже чувствует, откликается, наверное, даже любить умеет... Когда я заметила, как ты переменялся в бане, сама вдруг ощутила в себе телесный зов. Никогда со мной такого не случилось... Неужто это и есть любовь? Я же не ведаю, какая она... Какой она должна быть... Какой она вообще бывает...

— И я, оказывается, раньше о ней ничего не знал, — осмелевший Илья вдруг опустился перед девушкой на колени и поцеловал её безвольно лежавшую на подоле руку. Она вздрогнула от волнения, но не оттолкнула его голову, а стала другой рукой перебирать волосы. Поняла, что полюбила этого случайно спасённого ею человека, бросившегося в водлозерскую прорубь по воле направлявшей его судьбы. Устремлённый в окошко чуть удивлённый взгляд лесной девы снова стал изумрудно-лучистым, наполнился теплотой и лаской.

Вербное воскресенье

Три недели возлюбленные жили в счастье и согласии. И негласный запрет на плотскую близость они в порыве чувств переступили легко, увлечённо — бросили вызов судьбе. Вырвавшееся кипение страстей изредка давало им возможность ненадолго опомниться, оценить возможные последствия телесного единения мужчины-человека и женщины-полудуха. Правда, без тех подробностей, которые пока таила от Ильи Лессия, сомнения эти бывали недолги. Они успокаивали друг друга, отгоняя от себя страхи.

Казалось, лишь в огненных глазах мудрого белого волка Ильи и Лессия улавливали осуждение их безрассудству. Погрустневший Белик всё чаще уходил ночевать в маленькую баньку, порой по ночам тоскливо выл на луну, но любимую хозяйку не бросал, охранял её столь же преданно. Приглянувшегося ей постороннего паренька он хоть и не признал за своего полностью, однако всё-таки допустил в круг неприкасаемых и, если бы ему грозила опасность, снова готов был прийти на выручку.

ку к чужаку, отнявшему у него значительную часть внимания зеленоглазой любимицы.

В ближний хуторской круг входили также жившие рядом в одном сарайчике дойная козочка Милка и пять кур-несушек с гордым петухом, прозванным по его расцветке Пестряком. К ним иногда по-соседски залетали из леса тетёрки и копопы. Ещё на заимку нередко забегали зайцы, белки, лисицы и прочие лесные зверушки, с которыми Лессия в пору бескормицы делилась остававшимися в запасе овощами со своего огородика. Одной-то ей совсем немного требовалось для пропитания. Для ловли рыбы она всегда держала в Илексе пару ловушек-катисок. Мясо приносил после удачной охоты Белик, который, однако, никогда не трогал гостившее на заимке зверьё. И только за зерном лесная отшельница время от времени хаживала в Кургилово, взамен отдавая родичам Петровым изготовленные ею чародейные снадобья, славившиеся лечебной силой не меньше, чем у Пеши Корелянина.

Другой постоянной обитательницей избушки лесной девы оказалась своенравная чёрная кошка с пышным распушённым хвостом. Наверное, в младенчестве она любила поспать, отчего её прозвали Соней. Но, попав к Лессии, почувствовав вкус к вольному житью, Сонька стала безудержной гулёной, чаще пропадала в укромных местечках выселка, чем внутри дома, и легко сошлась с мелким зверьём.

Даже суровый Белик, на глазах у которого выросло это мохнатое чудо, смотрел на проделки Соньки с отеческим волчьим умилением и терпел от неё то, чего другим бы сделать никогда не позволил. Когда волк лежал на своём половике, кошка иногда чёрным пятном забиралась на его белую спину или под тёплую грудину. Своеволью ворочалась, выгибалась, вытягивалась, потом начинала остервенело вылизывать себя и заодно Белика, увлекаясь, залезала волку на загривок, мыла шершавым языком его голову, уши, морду... А тот только беззлобно скалился в ответ. И казалось, что это был вовсе не оскал раздражения, но скорее гримаса удовольствия — от того, что у него тоже есть заботящееся о нём близкое существо.

Сонька напоминала сотканную из противоречий хозяйку. Даже не тем, что она была именно чёрная, как подобает кошкам настоящих колдуний. Но как раз другими приметам. Во-первых,

абсолютно чёрной она выглядела лишь сверху, а под брюшиной отличалась бурым окрасом, светлеющим к груди и перераставшим в симпатичное белое пятнышко на горле. Во-вторых, до поры она дичилась незнакомцев, будь то зверь, птица или редкий путник, испуганно от них шарахалась, пряталась по углам, приглядывалась издали, а когда привыкала, буквально присваивала новичка себе. Точно так случилось с Ильёй, к которому она без всякого зова нахально прыгала на руки и устраивалась на коленях в ожидании ласк. Наконец, зрачки у кошки были совершенно такие же, как у самой Лессии, бездонно-глубокие и изумрудно-лучистые. Казалось, непоседливая Сонька стала естественным продолжением души отлучённой от мира людей порывистой и ласковой лесной красавицы.

Оказавшись оторванным от привычной жизни, Илья совсем забыл о сроках Великого поста и неукоснительном соблюдении связанных с ним строгих ограничений. Сначала из-за сразившей его немощи он ничуть не воздерживался от потребления скоромной пищи, без разбора ел всё, что готовила ему Лессия. В общем-то, в случае болезни подобный грех считается простительным. Но вот то, что он не устоял против соблазна плотских утех, не найдя сил им противостоять, не смог да и не хотел противиться великому чувству любви, окрутившему его похлеще лютый болезни, — это было греховно втройне. А если к тому приплести бесовские мотивы, так и подавно выйдет, что лучше бы было парню ради спасения души не спасаться из ледяной ердани.

Мысли о нахлынувшей на него неискоренимой греховности всё чаще приходили Илюхе на ум, когда он вернулся к чтению по памяти утреннего и вечернего молитвенных правил. Лессия ему не мешала. С утра она уходила доить Милку и кормить кур, по вечерам внимательно наблюдала со стороны, как любимый, встав на колени лицом на восток, шептал выученные наизусть молитвы. В её взгляде одновременно угадывались и поощрение Илюхиной стойкости, и безмерная тоска. Понимала, что лишь на пути верности вере человек может вновь обрести право на прощение Бога и спасение души, ведь, по её собственному утверждению, как раз это отличает его от нечисти. Но осознавала Лессия, что когда-нибудь именно такое отличие разрушит установившуюся между ними связь, разлучит их, не

даст поселившемуся в её душе ощущению счастья длиться долго.

При этом лесная дева не могла представить иного, более благоприятного исхода для их отношений. Это обычному человеку свойственно помечтать о преодолении любых преград и обстоятельств. Наверное, от малого знания законов мироздания. И когда Илья в очередной раз заговаривал о том, что у них всё сладится, что вместе они способны горы свернуть или сбегать от напастей на край земли, девушка знающе улыбалась в ответ, предпочитая до поры оставлять любимого в неведении всей серьёзности их положения.

Однажды срок открыть роковой секрет всё же наступил. Случилось это за неделю до Пасхи, в воскресенье, почитаемое православными Вербным. Когда в тот погожий денёк любовники вышли прогуляться во двор, Илья обратил внимание, что на ближних к дому ивах распушились почки.

— Вроде не ко времени деревья от ранней оттепели к цветению потянулись. Жалко, прибьёт их возвратным морозцем. Они как будто на нас с тобой похожи, — мимоходом заметил Илья, отломив ивовую веточку и разглядывая на ней пробившиеся комочки пушка.

— Просто ты в долгой болезни совсем забыл о времени, — прожурчал рядом голос Лессии. — У вас, в миру, через неделю будет Светлая Пасха. Нынче срок ей впрямь выпал очень ранний — в конце марта. Но природа, как видишь, уже предчувствует её неминуемое приближение.

— Точно, я тоже заметил, что какой бы холодной ни была перед тем погода, почки на некоторых деревьях в Вербное воскресенье обязательно набухают. Удивительно... Их появление как верный знак свыше о скором Пасхальном торжестве, — задумчиво огляделся Илья вокруг.

— Для нас с тобой, Илюша, это тоже знак... Расставаться нам скоро... — печально добавила девушка.

— Почему так? — опешил Илюха. — Неужто я тебе надоел? Ты решила меня выгнать? Чем же я перед тобой провинился? За здорово живёшь голову на плаху не кладут...

— По собственной воле я с тобой вовек бы не рассталась, любимый мой мальчишка! — улыбнулась Лессия. — Поверь, ты стал мне ближе брата. Ты стал моим долгожданным суженым,

которого мечтает встретить любая девушка. Ты стал моим единственным мужем, подарившим мне огромное женское счастье, коего я не чаяла познать.

— Тогда в чём дело? Почему мы и дальше не можем оставаться вместе?

— Потому что после Пасхи, с утверждением устойчивого тепла очнутся от спячки оставшиеся здесь в тайных схраонах лешие, а те лесные духи, кои уходили зимовать в дальние корбы, вернуться в наш сузёмок всем скопом. Обычно так происходит в апреле. Тогда нам житья от них не будет. Особенно от моего вздорного батюшки, признанного вожаком окрестной нечисти, — попыталась объяснить угрозу лесная дева.

— Пушай толкутся беси, да не в нашем лесе, — отмахнулся смелый вологжанин. — Давай я встречусь с твоим батюшкой, поговорю, объясню ему, что мы полюбили друг друга, попрошу у него твоей руки... Неужели он не хочет, чтобы ты вышла замуж?

— Какой же ты, Илюшка, смешной и глупый, — рассмеялась подруга. — О нечистой силе рассуждаешь по людскому разумению...

— А как иначе, Лесинька? У нечисти, что ли, по-другому заведено? — пытался уяснить парень законы потустороннего мира. — Если уж ваши нечистые духи стали людские порядки перенимать — жениться, плодиться, семьи заводить, то человеческим обычаям во всём надобно следовать...

— Однако ж никак не следуют, — Лессия решила выложить все подробности. — Не хотела я тебе говорить, да придётся. Если батюшка-лешак захочет меня отдать замуж, то только кому-то из своих подручных. Людей они на дух не переносят. Люто ненавидят человеческую породу. Они бы и рады побольше вам вредить, как восставшие с Сатаной демоны, но по-прежнему нерешительны да осторожны. Эту трусливую нечисть сдерживает только животный страх перед наказанием Всевышнего. Причинять человеку вред без причины им нарочь запрещено. Но в случае появления хоть малого повода ничто не удержит их раздражение и злобу. Они считают меня их порождением, от упрочения тесных связей с человеческим обществом будут меня всячески оберегать, а тебя изводить и жестоко преследовать. Поэтому говорить тебе с моим отцом не о чем. И да-

же случайно встретиться с ним смертельно опасно. Побереги себя, остерегись его гнева...

— Что же делать? Неужели мы с тобой так запросто расстанемся и никогда уж больше не встретимся? — Илюха не на шутку огорчился.

— Согласись, дороги у нас по жизни всё-таки разные, — нежно приобняла любимого зеленоглазая отшельница. — А мы не заметили, как головы потеряли... Прав был дед Пеша, не будет толку от нашей любви — одно лихо она нам готовит.

— Но разве нельзя обмануть лихо, если встречаться тихо? До холодов этак перебьёмся, а когда лесная нечисть опять в спячку ударится, сбежим в Вологду или дальше на юг по Волге. Там, в голых степях, местные лешаки нас никак не достанут, — молодой купец снова вспомнил о планах побега.

— Бога бойся, но и чёрта не гневи! Опасаюсь я, Илюша, свой лесной мир оставлять, — изумрудные глаза Лессии наполнились слезами. — В чужих краях мне не выжить...

— Не бойсь, сообча прорвёмся, — хорохорился приезжий смельчак. — Как зеницу ока беречь тебя буду. А хлебную торговлишку для моего отца Павла Ерофеича и большака Даниловской обители Андрея Денисова из низовых поволжских городов даже сподручнее будет наладить. Они нам помогут, никакому лиху не выдадут.

— Ох, и горазд ты, Илья Павлович, на искусительные речи! — девушка доверчиво прижалась к дружку. — Была не была! Попробуем сладить по-твоему. Но до холодов, дабы лешаки не уследили, будем изредка встречаться на том Берёзовом острове, возле которого ты в проруби тонул. До него нам почти одинако добираться. А уж Ильинский водяной нас прикроет, и мамушка-русалка об опасности вовремя предупредит. С ними я сговорюсь... Уж там посмотрим, как дальше сложится. Пусть будет что будет!

— Молодчина, Лесинька! Так-то всё ж не в омут от горя нырять...

— Хоть не от горя, да всё одно как в омут! — махнула рукой дева леса.

...Ночью, когда успокоенная принятым решением Лессия задремала у него на плече, Илья, напротив, долго не мог заснуть от тревожных мыслей. Как там сложится задуманный ими план? Какая случайность может ему помешать? Эх, зря Лесинька раньше не рассказала ему обо

всех угрозах. Попробовал бы он найти в себе силы, сорваться с ней с места, до тепла добраться в Даниловский монастырь, быстренько наладить обоз и уйти с ним к югу... Ищи-свищи их потом по белу свету, догоняй улетевший ветер... Теперь-то в побег уходить поздно. Очнувшиеся от спячки лешаки сразу поднимут тревогу, поспеют сыскать их след в окрестных сузёмках и перекрывать дороги к спасению.

Хотя, конечно, Лессия же о здоровье его беспокоилась. Не хотела им рисковать. Видать, догадывалась о его неумной решительности, как у порывистого Ерохи Пурги, граничащей с сумасбродством. Себя ей совсем не жалко, а ведь ради него готова от своего счастья отказаться. Какая она милая, славная, родная...

Илья чуть повернулся на бок навстречу подруге, осторожно убрал с её лица густые шёлковые волосы, вольно рассыпавшиеся без удерживавшей конский хвост подвязки, вновь залюбовался ею под слабыми отсветами заглядывавшей в окошко луны. Как же она хороша: изогнувшиеся дужками тонкие брови — словно приподнятые от постоянного удивления жизни, прикрывшие глаза длинные ресницы, немного вздернутый носик, наполненные желанием губы, припухлые щёчки с улыбочивыми ямочками... Нет-нет, никогда не сможет он отказаться от такого дивного чуда, подаренного ему судьбой.

А как звучит само имя — Лессия! В нём слышатся шёпот леса от шороха лёгкого ветерка, нежное журчание пологого на её голос ручейка под тишью небесной выси, и шелест трав, и плеск озёрной волны, и упоение ласковых снов... Пусть этот сон никогда не кончается...

Смертию смерть поправ

Огорчённый необходимостью временного расставания с любимой, Илья загостился на хуторе Лессии до крайнего возможного срока и ушёл по её настоянию только в Пасхальное утро. У Бога что день — то праздник, а Пасха Христова и того втрое — праздников праздник, созвучный ощущениям пережившего чудесное воскресение паренька. Вдоль Илексы к берегу Водлозера его провожал верный Белик, которому скоро предстояло стать вестником, чтобы предупредить во-логжанина о назначенном на Берёзовом острове

первом свидании. Дальше он легко нашёл дорогу сам и ближе к вечеру добрался до дома большака Егора Дмитрова в Коскосалме.

Егор Фомич и все его домочадцы несказанно обрадовались дорогому гостю. Конечно, здешние насельники ещё в конце января слышали от Пеши Корелянина, что молодой вологодский купец в тот трагический день счастливо избежал смерти и, даст Бог, выживет благодаря заботам спасшей его из проруби лесной девы Лессии, считавшейся знатной знахаркой и могучей чародейкой. Однако в благополучный исход всё же мало кто верил. Ведь дед Пеша рассказывал, будто во время своего похода на Новгуду нашёл парня в горячке, в бессознательном бреду, будто он чудом воскрес из мёртвых, но жизнь его по-прежнему висит на волоске.

Сам-то старый карел нисколько не сомневался в знахарских способностях Лессии и, более того, предполагал, что в случае рождения предначертанной молодой паре роковой любви Илья Белозерский даже после полного выздоровления не будет спешить возвращаться к людям. Мудрый ведун больше не ходил на тот лесной хутор как раз для того, чтобы случайно не повлиять на ход судьбоносных событий. А у других водлозёров отсутствие вестей о здоровье пропавшего вологжанина сопровождалось надуманными тревогами и страхами. Дескать, вдруг дикая лешачка вместо требуемого лечения по вздорности характера перестанет выхаживать парня, но, напротив, вздумает его извести, как та страшная сказочная Баба Яга. Потому появление живёхонького и цветущего Илюхи именно в Пасхальное воскресение всеми крещёными в Православии местными жителями было однозначно воспринято как великий символический знак свыше.

Первой сигнал о долгожданном блудном госте подала встретившая его во дворе голосистая Найда. Сначала дмитровская собака не признала старого знакомого и даже с угрозой на него зарычала, издали почуяв близкий волчий запах, но потом разглядела в сумерках однажды отличившегося в кабаньей охоте с ней меткого стрелка, предположила, что теперь этот храбрец участвовал в славном деле против волков, дружелюбно завилыла хвостом и запрыгала вокруг него с весёлым лаем.

Тут же на крыльцо выскочил полураздетый Фомич и, не сдерживая слёз радости, бросился

обнимать Илюху, словно пропащего сына, вырванного из лап водяного. Следом за хозяином из открытых дверей в голос запричитали Василиса Артемьевна и Настасья Игнатьевна, а рядом с Найдой так же весело заскакал малой Артёмка, дёргая купца за рукава тулупа и приставая к нему с кучей вопросов:

— Дядя Илья, правда, что у водяного волосы длинные, как водоросли, и борода тоже зелёная? А в самом деле у лесной девы есть огромный белый волк? А сама ёна красивая, краше нашей Дарьи али нет?

— Да погодь ты, пострелёнок! — пытался приструнить внука большак. — Дай Илье Павловичу очухаться с дороги. И порадуйся, что ён наконец-то целёхонький возвратился. Слава тебе, Господи, за великую милость твою! Совсем по Пасхальному чину благая весть до нас донеслась: как Христосе, воскресый из мёртвых, смертию смерть поправ...

Когда все успокоились от волнующей встречи и уселись за празднично накрытый стол, Илья обстоятельно рассказал о своих злоключениях, о том, как его выхаживала лесная отшельница, о её волке Белике и прочих приметах быта на дальнем хуторе возле речки Новгуды. Понятно, о чувственной стороне сложившихся с его спасительницей отношений он благоразумно умолчал, однако страхи по поводу бесовской природы Лессии решительно опроверг и мимоходом признал, что она действительно отличается не только завидными знахарскими умениями, но и чарующей красотой.

— Ёлочки-сосёночки да все мои девчоночки... А что я тебе, Илюша, на охоте говорил, помнишь? Молва не по лесу ходит — по людям, с деревьев слезет да в окошко влезет, — смеялся довольный Егор Фомич. — Мне самому с Лессией тоже не однажды доводилось стренуться — и на Новгуде я бывал, и в тайге на неё натыкался, и возле Кургилова, когда ёна к Петровым за зерном приходила... Впрямь дочка Ирьи выросла писаной красавицей, под стать нашей Дарьюшке. Неужто у тебя, Илья Павлович, глаз на неё не загорелся? Ах да, грешно даже подумать о любви человека к лешачке... Хотя ежели мне годочков сорок с плеч скинуть, то не уверен, что сам бы ей не увлёкся...

— Тьфу, разгунделся старый блудник! От я тя сейчас за этикие постыдные помыслы по плещи-

не рушничком попарю, — нарочито грозно замахнулась полотенцем на супруга Василиса Артемьевна, не скрывая, однако, понимающей шутку улыбки.

Чтобы избежать продолжения разговора на щекотливую тему, Илья воспользовался паузой, пока все смеялись, и вперебой обозначил свой интерес к замеченным им переменам в семействе Дмитровых:

— Для сравнения девичьей красоты мне самому не мешает вспомнить, какова нынче Дарья Никитична. Не мудрено, что я уж подзабыл её черты. И почему-то теперь её за семейным столом не вижу... Никак уж они с Николкой Онуфриевым свадьбу сыграли?

— Угадал, Илья Павлович, отдали мы нашу горлицу за ясного сокола в Ангилову Гору, — замылся с обдумыванием подробностей ответа старик Дмитров. — Так ты ж не особо хотел на той свадьбе гулять. Всё одно, помнится, до неё собирался уезжать в Данилово. Ну а мы уж начала Великого поста ждать не стали... После того как с вами беда на рыбалке приключилась да мы схоронили в Буксе Тимофея Ивановича, чуток выждали для поредни, погоревали и решили больше не тянуть кота за хвост. Нам-то что долго готовиться? Нищим собраться — токмо подпоясаться. Что к тризне, что к празднику умеем скоро столы накрывать... Свистнули ближних знакомых, божаток, родичей с Колгострова и Куганаволока да по нашим древним обычаям окружили молодожёнов...

— Потому нам, Илюшенька, поспешать со свадьбой пришлось, дабы не очухался злой Бориска Лешко али кого другого из южных колдунов обиженные соседюшки с Пёлгострова испортить Дарьюшку не успели насрать, — добавила вескую причину бабушка Василиса. — Уж так старательно Пеша Корелянин наших молодых оберегал, как я **допрежь не видывала. Каждому из них бумажки с отпусками-оберегами** в одёжки спрятал, сам цельную пригоршню иглол от порчи в нужных местах им понатыкал, на крыльце сбоку смолой кресты нарисовал, голики с порогов убрал, дабы недобрые люди с сором какие-либо напасти в дом не намели... Всё внимательно проверил, обо всём загодя позаботился — так что мы за счастье семейной жизни Николая и Дарьи спокойны остались.

— А мне больше другой случай запомнился, —

встрял в разговор старших неугомонный Артёмка. — Когда Дашка с Колькой из церкви после венчания ехали, вачиловские хитрованы на Колгострове попытались свой будто бы колдовской заслон свадебному поезду поставить, дабы лишний выкуп содрать. Кони вдруг перед какой-то натянутой верёвкой в страхе остановились, захрапели, на дыбки встали, чуть обратно не повернули. Но стоило деду Пеше дать им понюхать намоченную в дёгте тряпочку, так они поскакали дальше, уже не обращая внимания на заговорённую верёвочку.

— Что же верёвка впрямь заговорённая была? — проявил интерес Илья к явно ещё не открывшему главный секрет мальчишке.

— Да нет же! Оказывается, вачиловцы её медвежьим жиром намазали. Лошади его запаха завсегда пугаются. А наш дед Пеша о всяких этаких уловках знает. И ему ведомо, что медвежий дух надобно просто перебить каким-нибудь другим едким запахом. Вот ён дёгтем у коней нюх и поправил. Так что колгостровские шутники сами с носом остались, — от души хохотал Тёмка, радуясь попутно сделанному им открытию и вновь поразившим его удивительно разнообразным познаниям ведуна Корелянина.

— Да уж, наш старик Пиетари Тойвович зело прозорлив и опытен в ведовских делах, — с задумчивой печалью взглянул на вологжанина Дмитров. — И хотя многое предвидит, не всякую беду может от человек отвести, угадать по срокам, вовремя упредить. Сказывал он мне, что тебе самому, Илья Павлович, дано было узреть предвидение о кончине твоего товарища Тимофея Тверянина. Упокой, Господи, его чистую душу! Вот как получается, иной раз не придаём мы значения этаким предзнаменованиям, считаем их пустыми и вздорными, преждевременными али ошибочными... Не нами сказано: человек предполагает, а Бог располагает... Уж раз этак всё обернулось, знать, на роду написано. Не печалуйся лишку — все там будем. Горевать не горевать, а хоронить не миновать. Завтра, Илюша, я готов отвезти тебя на могилку Тимофея Ивановича. Поскорбим там вместе, помянём достойного уважения соотича пасхальными молитвами, попросим о его воскрешении во Царствии Небесном. Прости, Боже, грехи наши тяжкие!

С утра так и сделали. Поехали на санках в Буксу. Хотя вроде не положено на Пасхальной неде-

ле устраивать особое поминовение усопших, да не ждаты же ради такого случая Радуницу, если один вернувшийся в земную жизнь, поправший смерть человек непременно желает помянуть другого, коему в одинаковых обстоятельствах сделать это не случилось? Постояли с грустью у могильного холмика, потрапезничали крашеными яйцами и овсяным киселём. Прощай, Тимоха! Пусть пухом будет тебе земля благодарной водлозерской округи, в которой ты мечтал отыскать счастье, а обрёл вечный покой...

Не грусти, не печалуйся, жалостливое человечье сердечко! Земная жизнь — только миг, но ведь душа наша вечна... Если выдержит она отведенные на её долю горести и испытания болями, не зачерствеет в обидах и гневливости, очистится в страданиях и совестливости, наполнится сопереживанием к другим людям и вселенской любовью, тогда легко воспарит к иному раздолью. От повседневных забот и случайных мыслей — к чистым истокам, к Божественным горным высям. Говорят, что первейшим условием получения от Бога прощения за греховные земные пощущения для отлетевших людских душ является своевременное осознанное раскаяние. А если вдруг раскаяние случается не столь уж осознанным, но просто утверждается при жизни добрыми поступками, чаще торжествующими над малыми проступками, — неужели Отец Небесный не сподобится простить дитя своё, кое искупило делом случайные деяния грешного тела? Какова тут всё-таки математика в оценке умножения данного человеку изначально таланта: за праведность — почитание, за греховность — вычитание? Неужто по всей судьбе ведётся этаким учётом? Возлюби Бога и ближних, чтя иконы, блюди законы... Всё это, значит, приплюсуем, а при постоянстве помножим, но коли что не так — отнимем и поделим? Не может быть такого! Господь же не жадюга-ростовщик, дабы вести учёт всяким мелочам. Во имя жизни души у Творца есть всеобъемлющий закон — Любовь! Зреет в сердце этот свет — значит, точно смерти нет...

На Берёзовом острове

Первое свидание на Берёзовом острове Лессия назначила Илье с приходом устойчивого тепла, ближе к празднику Троицы, отмечав-

шемуся в тот год 16 мая. К тому времени уж и озеро освободилось от льдин, и листва налилась свежей зеленью, способной прикрыть от случайного пригляда собиравшихся уединяться в кустарнике любовников. Хвойный лес на открытом каменистом островке почти не рос, но плотные стены ветвистых берёзок и лиственного подростка оказались достаточно густы для надёжного укрытия от посторонних глаз, а почва под ними глубокой и мягкотравной.

За полтора месяца Илюха совершенно истомился в ожидании встречи с любимой, никак места себе не находил в доме Варвары Журавлихи, где остался на постое. Пытаясь отвлечься и чем-то себя занять, он брался за любую работу по хозяйству, но делал её как-то машинально, без огонька, без включения внутренних душевных сил, что соседи-водлозёры объясняли подтачивавшей гостя тоской по погибшему товарищу. Не ведали, что его охватила тоска иного свойства. И развеялась она лишь с утверждением настоящей весны, когда у молодого вологжанина наконец появилась возможность восстановить полученные на Шексне навыки лодочника. Чтобы своевременно подготовиться к сезону свиданий, Илья загодя решил освоиться в самостоятельном управлении чуть отличавшейся от привычных вологодских судёнок юркой водлозёркой, выпрошенной в летнее пользование у семейства подгорцев Ивановых.

Учителем и помощником стал ему Фёдор Иванов. В конце апреля парни вдвоём сладили новую крепкую мачту под парус, удобные вёсла и кормило, установили для них сплетённые из гибких можжевеловых ветвей уключины, подтянули и прочнее подкрутили ослабевшие за зиму вересковые прутья, хитро сшивавшие пригнанные внахлёт бортовые доски, основательно просмолрили снаружи борта и днище лодки... Ещё лёд на озере не сошёл — а они уже пробовали её на плаву в открытых местах. Илья так торопился наработать опыт умелого владения вёслами, управления парусом и рулевым кормилом, что невольно забылся от терзавших его переживаний.

Пару раз, чтобы успокоить волновавшихся за него сельчан, он и на рыбалку Федьку брал, учился ловчее забрасывать сеть, без риска её вытягивать и освобождать от улова. Но после того как Фёдор дал ему лестную аттестацию по успешно пройденному курсу промыслового водло-

зерского рыбака, вологжанин стал уходить в озеро один, уверив всех, что находит там отдохновение от горестных мыслей, а с Ильинским водяным, мол, чтобы тот его не трогал, полюбовно сговорился об откупе...

Однажды посветлевшей майской ночью домощадцев Журавлихи разбудил испугавший всех волчий вой. Как тут не встревожиться от близости зверя к жилью? Илья, выказывая готовность защитить хозяйское семейство, для убедительности прихватил заряженные пистолы и выскочил во двор. На другом берегу, за узким проливчиком в стороне от Рахойлы, он приметил выделяющуюся на фоне темневшей зелени фигуру задравшего морду к луне Белика, с небольшими перерывами затягивавшего унылую звериную песню, от которой даже у бывалого человека наверхника мурашило спину.

А Илюха, напротив, обрадовался этому сигналу, поняв, что волк Лессии передаёт долгожданное известие именно ему. Чтобы скорее пресечь продолжение ночного волчьего концерта, переполошившего округу и грозившего лишними пересудами, он торопливо поднял пистоль и сделал в ответ выстрел в воздух. Белик тут же вскочил на все четыре лапы, словно бы понимающе кивнул и исчез в лесной чаще.

Утром влюблённый рыбак собрался в озеро спозаранку. Он был готов ждать назначенной встречи на Берёзовом острове хоть целый день. И, конечно, не знал о том, что обеспокоенные люди тогда ходили меж деревнями друг к другу, делясь страхами по поводу ночного появления странного волка вблизи человеческого жилья. В общем-то, в период зимней бескормицы подобное случалось частенько, но по весне вызвало серьёзные опасения. Егор Дмитров даже к Пеше Корелянину за советом обратился: нет ли в этом происшествии реальной угрозы, не устроить ли полесникам облаву на заплутавшего матёрого хищника? Но старый ведун, хитро улыбаясь, успокоил соседей. Мол, не тревожьтесь понапрасну, волк забрёл к Рахойле невзначай и больше не будет нарушать покой деревенских жителей.

Действительно, после подобное не повторялось. Вволю помиловавшись на пышных коврах разнотравья и разноцветья, Илья и Лессия стали заранее назначать даты и время следующих свиданий. Оставаясь вдвоём под пологом лазоревого неба, они упивались своим недол-

гим счастьем, а потом с нетерпением ждали новых встреч, из предосторожности случавшихся не чаще раза в неделю.

Однажды, ближе к концу Петровского поста, как раз на Ивана Купалу, Илюха подплыл к Берёзовому с небольшим опозданием, объяснимым задержкой на полевых работах, в которых он тоже принимал участие для поддержки семейства Варвары Журавлихи. Спрятав лодку в прибрежных зарослях на южной оконечности острова, он пробрался к сделанному из ветвей хрупкому шалашику, в котором они с подругой укрывались от мелкой летней мороси, но Лессию там не обнаружил. Обеспокоенный её отсутствием, парень осторожно двинулся к северному мыску, куда обычно причаливала водлозёрка из Новгуды. И вдруг услышал журчащий голос любимой — она с кем-то откровенно беседовала, то восторгаясь переживаемыми ею чувствами, то жалуясь на свою горькую долю, то испрашивая совета на будущее...

Илья присмотрелся, прислушался. Девушка, не заметив его появления, полулежала спиной к нему на корме уткнувшейся в берег лодки, склонившись лицом к озеру и протянув к воде руку, которую там будто кто-то бережно поддерживал. Её свесившиеся набок распущенные волосы мешали издали рассмотреть вероятного собеседника, потому со стороны казалось, что она разговаривает с собой, а слушателя просто воображает. Говорила она так проникновенно, искренне, доверительно, как возможно лишь с близким, родным человеком, может быть, уже утраченным, но оставшимся жить в памяти души.

Не раз бывало, Илья точно так же ловил себя в пограничном состоянии — словно, оставшись один и закрыв глаза, мысленно советуется о чём-то с дедом Ерофеем, а потом вдруг осознаёт, что говорит с ним вслух. И когда очнувшееся сознание ещё не успело ему о том подсказать, ему кажется, что дедушка сидит рядом живёхонький, понимающе кивает, ласково улыбается, что-то отвечает. Не случайно у живых похожей беседе соответствует понятие «разговор по душам». Но тут точнее будет сказать: разговор душ.

Буквально давеча дед ему привиделся с рассказом о прабабушке Марфе, которая была не только умелой знахаркой, но тоже знатной карельской чародейкой. Ерофей-то, оказывается, перенять от неё ведовские знания наотрез отказал-

ся, твёрдо решив жить в крепкой христианской вере. Однако же внуку сообщил, что иные магические навыки подспудно сохраняются у наследников сильных ведуний вплоть до четвертого колена. Не зря, дескать, именно на долю Илюхи выпало приключение с этаким наваждением — избран он к нему безжалостным роком, ибо более других готов.

Чу, снова журчит ручеёк знакомого милого глоса:

— Мамушка, родная, попробуй меня понять. Не знаю, испытывала ли ты сама такую большую любовь... Или хотя бы в мечтах могла вообразить, какой она бывает огромной, всепоглощающей, увлекающей в стремительный поток чувств, уже не способных подчиняться разуму. Да, в разлуке я опять вспоминаю об осторожности, о грозящих опасностях, о том, что нам вряд ли удастся куда-то сбежать и остаться вместе надолго... Но когда я оказываюсь с ним наедине, то сразу обо всём забываю. Все преграды представляются преодолимыми, трудности посильными, наше счастье вечным! Его нежные слова и ласки, объятия и поцелуи совершенно лишают меня власти над собой... И я не хочу, не могу, не буду от них отказываться! Потому что я люблю, люблю, люблю моего Илюшеньку... Пускай дед Пеша говорит, что у нашей любви не может стать счастливого конца! Пускай нам потом что-то помешает! Пускай тот злой рок нас всё же разлучит! Но добрая память останется навсегда, а значит, любовь вовсе никуда не денется из сердца, не испарится под жарким солнцем, не умрёт, как не умирает душа... Ведь я только сейчас почувствовала себя настоящим человеком, любящей и любимой женщиной, будущей матерью... И пусть все нечистые духи завидуют моему безмерному человеческому счастью! И ты, мамушка, не суди меня строго. Из любви ко мне, из сострадания к моей будущей дочери, которая родится не от насильственной похоти, но от великой любви, помоги нам справиться с невзгодами, присоветуй, как вернее их обойти, чтобы сберечь моего любимого живым и невредимым...

Застывший в немом внимании Илья от охватившего его волнения переступил с ноги на ногу, отчего под ступнёй громко рязнул случайный сучок. Лессия встревоженно обернулась на звук, а там, за кормой лодки, тут же раздался плеск во-

ды от уходившего в глубину большого чешуйчатого хвоста, совсем не похожего по строению на продольный рыбий, но поперечного, как, по байкам знающих людей, бывает у морских китов, северных белух и обыкновенных русалок...

Ильин день

На свои именины в Ильин день Белозерский не преминул навеститься с утра в Ильинскую церковь, чтобы поставить за здравную свечку и помолиться святому небесному покровителю в сбережение от непредвиденных напастей. А после полудня, поставив на лодочке косой парус, с попутным ветерком отправился оттуда прямо на север к Берёзовому острову на оговорённое свидание с Лессией.

Жара в конце июля стояла страшная — самый срок для летних гроз поспел. На то он и Ильин день! Редко когда пророк Илия ради вящего напоминания о себе не насылет в свой праздник на северную землю громы и молнии с проливными дождями. Утром было безоблачно, но вдруг скоренько русский ветер с полудня понагнал волны тёмных туч, по дороге набравших в себя обильную влагу, как коровы нагуливают в вымя молоко на лугу.

Подплывая к заветному месту встречи и сполна оценив нахмурившееся небо, Илья понял, что на безлесном островке им с подругой нынче укрыться от непогоды не удастся. Жаль, что не предусмотрели они с Лессией вероятность подобной хляби в этот знаковый день. Решение пришло на ходу. Обогнув Берёзовый, наловчившийся управлять послушной водлозёркой кормщик направил её в Чёрную лахту к устью Илексы, где надумал устроить на берегу добротный шалаш и перехватить лодку любимой до того, как она выскочит в открытое озеро.

Вытянув водлозёрку на пологий берег и привязав её верёвкой к выбранному надёжной кавой ближнему деревцу, Илья вышел на тропку, ведущую к Илексе, и тут же обомлел от неожиданной встречи. Буквально в трёх шагах от него из-под куста кособоко выпрыгнула испуганная рыженькая белка, но не поскакала без оглядки в лес, а растерянно села посреди тропы на будто подпаленный пушистый хвост и чёрными любопытными глазками удивлённо уставилась на ред-

кого странника. Присмотревшись внимательно, нетрудно было понять, какой важный вопрос она для себя решала. В передних лапках зверёк цепко держал тёмно-коричневую шляпку боровика, с которой никак не желал расставаться, однако бежать с грузом от незнаемого встречного тоже не мог.

Когда человек протянул к бельчонку руки, тот всё-таки бросил добычу, метнулся в сторону и ловко взлетел по стволу на мохнатую ёлку, спрятавшись в её густых лапах. Илья с интересом обследовал место, откуда вынырнул удачливый грибник, и обнаружил там целое семейство белых крепышей со сбитыми шляпками. В этот ранний срок грибы-колосовики только появлялись в округе, а хозяйственные белки уже присматривали и заготавливали их на сушку к голодной зиме.

Позже вологжанина ждало гораздо более опасное сретение. Увлёкшись устройством шалаша, он не сразу заметил неслышное приближение к нему со спины странного высокого путника с очень смуглым лицом под надвинутым на глаза балахоном. Только тогда он обратил на него внимание, когда вздрогнул от заплешившего лая закрутившейся возле ног маленькой чёрной собачонки.

— Здорово живёшь, паренёк! — приветствовал его лесной странник громким, но словно охрипшим от простуды голосом. И тут же поинтересовался: — С чего вдруг прямо тут удумал от грозы убежище ладить?

— И тебе желаю здравствовать, уважаемый... — поначалу от неожиданности поперхнулся Илья, но быстро смекнул, с кем имеет дело, заметив красный кушак, перевязывавший рядницу не по-людски, но на правую опашку. Невольно вспомнив рассказы о лесном хозяине Егора Дмитрова и Саввы Каргопольца, Илюха постарался сразу следовать их советам о правилах общения с лешаками и первым делом призвал в помощь имя Божие: — Мил человек, спаси ты, Господи, за доброе слово, за интерес к попавшему в неприятности рыбарю!

— Вижу, знал, что сказать. Хотя в наших краях я тебя допрежь не встречал. Потому и интерес мой к тебе пробудился. Кто таков будешь? Как здесь оказался в непогодь? Почему шалаш ладил, а не торопишься укрыться от скорого дождя под жилым кровом, где человеку в грозу быть

положено? — строже спросил незнакомец, вращая глубоко запавшими внутрь лица круглыми глазами, блестящими угрожающей безуминкой.

— Величают меня Ильёй Павловичем Белозерским. По уговору большака из Коскосалмы Егора Фомича Дмитрова с нашей святой Даниловской обителью с минувшего Рождества Христова остался я на временном постое у вдовы Варвары Журавлихи в деревне Кургилово. А сюда уж не впервой на рыбалку выбрался, дабы сеточку в устье Илексы бросить... В грозу-то, говорят, рыбка в глубинах шибче шевелится, особенно близ впадения быстрой реки в раздольное озеро... Не отказываться же мне теперь от своего намерения воротиться с доброй добычей к именинному столу... Да пошлют мне удачу Господь Вседержитель и Его святой угодник пророк Илия, мой небесный заступник!

Застигнутый врасплох вологжанин отвечал на вопросы лесовика столь обстоятельно, именно с тем умыслом, чтобы добиться их большей убедительности. Похожая легенда с объяснением отлучек к Берёзовому острову у него была заготовлена и для любопытных водлозёров. А ради подтверждения правдивости его слов в лодке всегда лежали готовые к лову рыбацкая сеть и сачки с длинными жердями, которые он обычно пускал в дело на обратном пути к дому, чтобы отдать тётке Варваре хоть какой-то улов — то ряпушки и корехи, то подлещиков с евдошками.

— Складно говоришь, Илья, и по всему чувствуется, что знаешь, как себя вести со мной надобно. Небось, уж догадался, кто я таков есть... И я догадываюсь, что местным лесным заветам тебя бывалый полесник Фомич научил, с коим мы однажды тоже случайно стренулись... Посему не буду я с тобой играть в игры с табачком и разудалые песни распевать, так как вовсе не по случайности я на тебя в сей раз вышел, — хрипло и внушительно говорил высоченный лешак, чтобы скрыть лицо, стоя вполоборота к человеку, опёршись на заменявшую ему походный посох массивную дубину.

— Лес праведный, да я ж вроде никаких правил нынче не нарушил — Бог тому свидетель! Помня праотцев, заповедное не трогаю. Коли вру, так дай Бог хоть печкой подавиться, — Илье нисколько не пришлось добавлять испуга взволнованному голосу. Он впрямь всерьёз испугался того, что лесовик каким-то образом

мог раскрыть секрет их свиданий с Лессией. Тут могло выручить лишь упование на верную Божескую защиту.

— Будет уж тебе вспоминать при мне своих небесных покровителей! И креститься даже не пытайся, не то рука ненароком отсохнет... Понял я, Илья, в честь кого ты сегодня именины справляешь, ссориться с тобой по такому случаю не собираюсь, да и повода наказывать тебя у меня пока в самом деле нету. Однако предупредить тебя вправду... — лесной хозяин сделал вынужденную паузу — он уже не просто сердился, а едва сдерживал раздражение от закипавшей в нём злобы. Но выглядеть ему очень хотелось в соответствии с бытовавшими о нём легендами — полным спокойного достоинства, справедливым и мудрым. Потому он продолжил только тогда, когда чуть унял распалывшийся гнев:

— Ежели ты больше полугодика в нашем сузёмке живёшь, то должен знать, что подниматься выше по Илексе до речки Новгуды смертным заказано. Там моя дочка на своей займке обитает. И верный лесной народец её надёжно стережёт от встреч с подобными тебе случайными прохожими... Посему не суйся в те пределы, не доводи до беды... Знай, я без дела не свищу, но за дело не прошу!

Словно в подтверждение грозных слов хозяйна присмирившая было собачка снова злобно растягивалась на рыбака, чуть не укусила его за ногу, отскочив назад от того, что державший в рогах слового лапника Илья машинально отмахнулся им в её сторону.

— И псину мою не замай! Не смей покушаться на чужое... Не имей привычки вровень со мной в лесу хозяйничать... — заметив строптивость встречного и уже нисколько не сдерживая раздражения, злобно прохрипел лешак, а следом, словно споткнувшись о неожиданную догадку, настороженно огляделся, принялся к предгрозовому воздуху и совсем сурово спросил: — А ну-ка признайся, паренёк, может, ты уж знаком с моей дочкой, встречал её али издали видел, потому и крутишься вблизи Новгудских вотчин?

— Не буду скрывать, наслышан о её красоте. Да и сам хотел бы воочию увидеть сию Лессию... Кажись, так твою дочку миряне кличут... — поняв, что в Ильин день кроме небесной грозы ему более ничего не грозит, молодой купец осмелел, однако подобного нахаль-

ства от себя и сам не ожидал.

— Но-но, не балуй, парень! Не дразни меня своими наглými шутками. С огнём играешь... Попалишься в ём — поздно жалеть будет. Второй раз я тебя предупреждать об опасности не намерен. И новой встречи нам ничуть не желаю. Коли дашь к тому повод, ничего не спасёт тебя от моего гнева... Береги-и-и-сь! — оставляя за собой протяжный звук угрозы, сменившийся свистом ветра, лешак крутанулся вокруг своей оси, будто буравя ногами землю и одновременно вырастая из неё в вихревой воронке, тут же унёсшей его растворившуюся в урагане ставшую совершенно бестелесной фигуру выше зашумевших кронами сосен и елей.

Илье показалось, что на фоне ярко вспыхнувшей молнии лесовик ещё грозит ему коряжистым пальцем, превратившимся в сосновый сук со свесившимися с него зелёной паутиной ведьмиными косами... И продолжает что-то кричать, но его хриплый голос сливается с первыми раскатами близкого грома, поглощается завываниями могучего ветродуя и шумом обрушившегося на тайгу сплошного ливня.

Может, впрямь ему всё это только причудилось после пережитой зимой болезни да под впечатлением увлекательных быличек старых охотников и самой Лессии, которая от переживаний за гибель матери вообразила себе грубого отца-лешака из обычного лесного отшельника, с детства навывдумывала другие подробности занимательной сказки и обставила ими свою одинокую жизнь? А знахарским умениям и приёмам чародейства её наверняка обучил опытный Пеша Корелянин... Фу ты ну ты, колья гнуты, как говаривал незабвенный Тимоха Тверянин. Чтобы от такой заморочной ворожбы вернуться в реальность, достаточно трижды плюнуть через левое плечо да перекреститься.

Илья какое-то время постоял в растерянной задумчивости, ошарашенно осмысливая увиденное и вглядываясь в плотную пелену дождя, заслонившую ту незабываемую картину, затем, опомнившись от причудившегося видения, торопливо повернулся, чтобы поскорее набросить заготовленный лапник на устроенные для шалаша поперечины, и снова опешил от изумления. Рядом с почти готовым шалашиком сидел его знакомец — белый волк Лес-

сии, а сама она, успев расторопно устроить плотную хвойную крышу, уже юркнула внутрь под защиту надёжного навеса...

— Как ты здесь очутилась, милая? Небось, твой сердитый папаша сейчас к тебе на займку заявится, а потом всех лешаков на уши поставит, чтоб тебя сыскать... — не сразу оправившись от удивления, но снова поверив в реальность случившегося, спросил успевший вымокнуть Илья, залезая следом в шалаш.

— Ты, что ли, забыл, Илюша, о моих бесовских способностях? Но я ж немножко колдунья, волшебница, — прожурчал ставший родным смех лесного ручейка. — Угадала я близкое батюшкино присутствие, пришла проведать, кого он опять страшать вздумал, да тут на тебя наткнулась. Мы с Беликом неподалёку спрятались и почти всю вашу перепалку наблюдали. Только я сделала так, чтобы мы были невидимы. Хотя был повод, чтоб я ужасно испугалась, когда вредная Чернавка почуяла волка... Если бы ты так не раздражил батюшку своими словами о желании со мной встретиться, он бы тоже мог нас обнаружить, но от нахлынувшей злости утратил внимание к мелочам. Наверное, это нас выручило. Однако ты сам страшно рисковал, что стал его этак безрассудно подначивать.

— Просто я уверился, что сегодня он мне ничего сделать не сможет, — твердо сказал молодой купец. — Не с руки ему нынче тягаться с моим заступником Ильёй-пророком...

— Оно, конечно, пророк Илия нас от лешаков ливнем прикроет, а я свою мороку вокруг наведу, дабы они нас не приметили. Но когда дождь сойдёт, ты, Илюшка, долго не задерживайся. Потом на Берёзовом острове успеем налюбоваться вволю, а здесь опасность слишком велика. Отец может осерчать на тебя в бесовской злобе. Постарайся в другой раз с ним не стренуться. Лодочки верной держись да открытой воды, где лешаки бессильны...

Стеречь пуше глаза

Лесной хозяин в самом деле учуял неладное в поведении дочери. И в её окрепшей дерзости, и в участившихся отлучках из хутора на лодке, в которых лешим никак не удавалось её отследить, поскольку она умело напускала за собой

чародейный морок. Про Берёзовый остров вовсе говорить не приходится — тот был попросту закрыт от них как магическими стараниями самой Лессии, так и усилиями хозяйничавшего в северных пределах Водлозера Ильинского водяного, издавна враждовавшего с соседней лесной нечистью и с особым удовольствием воспользовавшегося поводом покруче ей насолить.

Вражда местных лесных и водных духов пошла ещё с той поры, когда вожак лешаков потребовал у водяника отдать ему утонувший в воде драгоценный пальчик, отломившийся от руки легендарной золотой бабы, которую её хранители перевозили на лодке в новое потайное местечко. Из каких-то давних представлений об иерархии падших с небес бывших ангелов главный лесовик считал себя более полноправным хозяином округи, чем, конечно, оскорбил независимого от него озёрного царя. Понятно, что тот сгоряча послал всех леших к их чёртовой бабушке и напроць отказался от замирения.

Потом оно вовсе стало невозможным — после той памятной истории, когда старый кургиловский колдун, науськанный обиженным Кенозерским водяным и поддержавшим их злую затею лесным хозяином Водлозерья, расстроил с заговорённым петухом свадьбу дочери Ильинского водяника с его Пречистенским соседом. Тут уж оба озёрных владыки вошли в союз против сухопутных лесных духов и не допускали их на иные заветные островки, окружённые значительным водным простором и большими глубинами. Лессия знала, что Берёзовый относится как раз к числу таких островов, где лешие не властны.

Её папашу это обстоятельство особенно злило. Как же иначе — лешачий вожак, считавший себя всесильным хозяином таёжного сузёмка, не имел возможности властвовать на всей его территории из-за противодействия не подчинявшихся ему водных кикимор и русалок! Причём одной из тех вредных русалок стала обесчещенная им правнучка кургиловского колдуна Ирья Петрова, которая ненавидела его столь же сильно, сколь сильно любила её дочка Лессия.

Да что же за штука такая — та незнаемая бесам любовь? И почему его самого дочь не любит, как свою вздорную мамашу? А может ли он сказать, что сам её хоть как-то любит? Способен ли он вообще кого-нибудь любить?! Как это вообще делается, чем измеряется, в чём состоит? От незна-

ния ответов на эти вопросы лешака кольнуло чувство недоброй зависти к смертным тварям, прозываемым людьми.

Он попытался вспомнить, как относился к дочке с раннего её детства. Похоже, когда Лессия была совсем маленькой, он пару раз испытывал к ней что-то, подобное некой звериной нежности или гордости самца за произведенное на свет потомство. Однако больше всё-таки он берёт её просто как своё порождение, скорее даже как одному ему принадлежащую собственность. Он свыкся с мыслью, что его дочь уже фактом своего рождения стала его продолжением, перенявшим многие его бесовские свойства. Значит, она без всяких иных условий обязана ему во всём беспрекословно подчиняться, следовать его наставлениям, безропотно принять уготованную ей демоническую судьбу...

Отчего же дочка так упрямо противится предначертанному? Неужели человеческие начала в ней оказались столь же сильны или даже более развились из внутреннего неприятия однозначно предложенного курса жизни? Не может быть, чтобы к людским понятиям и привычкам её приучила часто приплывавшая к Новгуде утопленница-мамаша, сама ставшая водной нечистью... Круг общения с родичами в Кургилове у девчонки тоже слишком узок, а встречи там бывают коротки, чтобы успеть перенять образ жизни сельчан... Без строгих запретов вход к ней лишь ведун Корелянин, но он-то тоже больше представитель магических сил, а не человеческого сообщества... Или этот могучий старик всё-таки позволил себе заниматься воспитанием Лессии по людским обычаям?

Всё равно что-то не складывается. Конечно, и прежде девчонка была груба и строптивая с отцом. Но, в конечном счёте, все же покорялась ему, хотя бы внешне выказывала смирение, соглашалась жить по законам духов леса. А теперь, возвратившись с последней зимовки, лешак её совершенно не узнавал. Она перечила ему во всём, по всякому поводу спорила, упрекала в бесчувственности и жестокости, в смерти матери, которая вместо познания какого-то надуманного человеческого счастья принуждена была обратиться в русалку. Лессия даже заговорила о человеческой любви...

Откуда что взялось? Или она по возрасту созрела до пробуждения обычных половых

инстинктов, или кто-то её подтолкнул к ним, надоумил, нашептал о сладости чувственных переживаний и плотских утех? А вдруг у неё впрямь завёлся какой-нибудь милый дружок, подобный тому встреченному на берегу озера дерзкому парню, которого так и подмывало скрутить в бараний рог, нагрызть ему горб, разорвать на мелкие клочки и развезать их по ветру... Вот, пожалуй, где отгадка перемен в характере Лессии, её скрытности, участвовавших да столь тщательно маскируемых отлучек. Так оно и есть — на тайные свиданки девка бегаёт!

Снова закипевший от таких мыслей лесовик решил наконец, что непослушную дочку в любом случае надобно строже оградить от возможности общения с миром людей, а к осени подобрать ей в пару достойного женишка из верных леших да окрутить их на семейное сожительство. Пусть себе милуется вволю с ближним бесовским отродьем. После этого никакой молодец из людишек на неё не позарится — побрезгует даже взглянуть в её сторону. Так-то оно вернее будет и гораздо спокойнее.

Чтобы донести свой замысел до подвластной ему нечисти, лешак свистнул её на общую сходку. К особому вниманию он призвал тех леших, которые обитали на побережье Водлозера близ Илексы и местных деревень:

— Слуги мои верные, зарубите себе на носу мой строжайший наказ: стеречь Лессию пуше глаза, следить за каждым её шагом! И обо всём сообщать мне — когда, куда, зачем она ходила, надолго ли задержалась, не случилось ли рядом людишек из полесников, рыбаей, заплутавших путников... Догадываюсь, что она своими чарами способна обмануть любого из вас и всех скопом. Наблюдайте за всеми передвижениями жителей окрестных деревушек в сторону хутора на Новгуде, устья Илексы и ближних островов. Так мы скорее обнаружим, если моя дочь тайно встречается с кем-то из смертных.

— Хозяин, всё, что ты сказал, касаемо только северного края озера. А нас-то ты зачем вызвал с западных, восточных да южных лесов? — спросил уважаемый в лешачьей среде смотритель окрестностей Лешозера, что расположено ближе к южным водлозерским поселениям Куганаволоку, Бостилову, Кевасалме и Маткалакте.

— Ежели мои опасения подтвердятся, ежели выяснится, что у Лессии завёлся какой-то нахал-ухажёр, так и ваша помощь мне тоже пригодится в облаве на того ухаля.

— Мы, что ль, его ловить будем по всей округе? — зашумели лешаки.

— Непременно будем, — сверкнул на подручных тёмными глазами лесной хозяин. — Но в какую сторону он попытается бежать, нам неведомо. Посему я вас призываю к бдительности. Будьте готовы по первому зову устроить ловушки на всех дорогах и тропинках, а ежели он их проскочит, наладить за ним скорую погоню.

— А не слишком ли велики предосторожности? В наших лесах ни одному смертному от нас уходить допрежь не удавалось, — не унимался лешозерский лесовик.

— Не забывайте, что ему может дать наставления и обереги моя выдумщица Лессия, — напомнил главный лешак. — И тогда, хоть вы хитры на обманы, да сами обманетесь.

— Да уж нам ведомо, что дочка твоя мастеровита на чародейство. Коли она сама сбежать вздумает, вряд ли кто из нас её сможет словить... — под согласный гул разномастных лесовиков заметил смотритель Лешозера.

— Вот-вот, а чтобы такого не случилось, я отдам свою дочку тому из вас, кто отличится в поимке её обидчика. Моё слово верное! — по тому, как загорелись алчными огоньками глаза леших, лесной хозяин догадался, что назначил самый заманчивый приз, снимавший всякие сомнения в успехе предстоящей охоты. Лессию ему было совершенно не жалко. Разве могут быть у бесов добрые чувства?

Право же, не людям судить, так ли всё было на самом деле и происходило ли вообще, да только молва о той сходке нечистых вскоре пошла гулять по сузёмку. Первой прослышала о ней русалка Ирья, передавшая рассказ Лессии. А там уж поди — спрячь-ка на Водлозере от других слухи, которые стали хоть кому-то известны. Именно из подобных баек там всегда рождались удивительные местные былички.

Прощание

Озатевавшихся лешими кознях Лессия узнала недели через две и сообщила о них Ильё на встрече в день Преображения Господня:

— Всё же не удалось нам, Илюшенька, обмануть моего вредного батюшку. Мамушка Ирья наемни подслушала возле берега разговор сторожевых водлозерских лешаков, которые в третий раз заметили твоё передвижение к Берёзовому острову как раз в то время, когда я уходила от их слежки. Оказывается, все они получили поручение докладывать отцу о появлении людей в ближней округе, если я исчезаю от их пригляда. Теперь они уверились, что ты приплываешь сюда именно на встречи со мной. И уж собираются тебя ловить. Медлить нельзя — тебе надо поскорее бежать.

— Разве мыслимо человеку от леших сбежать? Как мне с лесной нечистью тягаться? Где от неё спрятаться? Вот если бы ты была со мной, мы бы их наверняка перехитрили... Давай сбежим вместе! — растерявшийся парень с надеждой взглянул на любимую.

— Мне, увы, тоже впрямь придётся оставить родные края, дабы спрятаться от здешних лешаков подальше за Уральским камнем. Ведь батюшка пообещал отдать меня в сожительство тому из них, кто тебя поймает, — губы Лессии искривила горькая усмешка, а смех, которому она хотела придать былую беспечность, получился вымученным, совсем не ручейково-звонким, но суховато-кашляющим.

— Как же так — отдать своё чадо на поругание кому попало? — возмутился Илья. — Без всякой любви или хотя бы без взаимного уважения...

— До чего же странный ты человек, Илья Павлович. Всё забываешь, что имеешь дело с бездушными бесами. О какой любви тут может быть речь? — напомнила девушка.

— А знает ли твой отец о нашем ребёнке, которого ты носишь под сердцем? — Илюха задал этот вопрос в запале и тут же осёкся.

С тех пор, как он сам случайно узнал о беременности Лессии из подслушанного им её признания матери-русалке, парень, возликовав в душе, полтора месяца всё-таки сдерживал себя, делал вид, что не догадывается о случившемся, но невольно ухаживал за подругой с ещё большей нежностью. Ждал, когда она сама решится сообщить ему счастливую новость. Но лесная красавица, уже предчувствуя беду и скорое расставание, хотела оставить его в неведении, избавить от лишних переживаний. Потому сейчас она удивилась, что её тай-

на оказалась раскрыта. И от растерянности запуталась в выражении своих чувств:

— А откуда ты об этом узнал? Ах, верно, ты всё же услышал наш разговор с мамушкой Ирьюей возле лодки... Но почему не выдавал себя так долго, не расспрашивал об том раньше? Хотя я почувствовала, что ты стал относиться ко мне как-то бережнее, осторожнее... Правда? Это именно от того? Дурачок ты мой! Пойми меня правильно. Не хотела я тебя расстраивать известием о том, что тебе придётся расстаться не только со мной, но и с ещё не родившейся дочкой... Но ты за нас не волнуйся. Я сумею её выносить, родить и уберечь от беды... Однако сил у меня хватит лишь на нас двоих. Если мы останемся с тобой, всех нас ждёт неминуемая гибель...

— Почему, Лесинька? Мы же всё обдумали и собирались бежать вместе...

— Нет, Илюша, теперь я окончательно поняла, что из той безумной затеи ничего не выйдет, — стараясь быть твёрдой, ответила возлюбленная. — Мы из разных миров. Там, где сможешь укрыться от лесной нечисти ты, мне вовсе не найдётся места и понимания среди мирян... А там, где будет безопаснее нам с дочкой, ты долго выдержать не сможешь — и сам пропадёшь, и на наш след лихо наведёшь. Да и не время нынче о том попусту рассуждать. Сейчас надобно тебя от гибели выручать.

— Не нужно мне такое спасение! Без вас мне никакой жизни не будет...

— Будет, Илюшенька, будет! Жизнь, говорят, временем всякие душевные раны врачует. А мы с тобой всегда рядом в памяти доброй останемся. Или ты хочешь, чтобы я сгинула следом за тобой, горюя о твоей утрате? — убеждала парня подруга.

— Конечно, нет, — вспыхнул Илья. — Потерять тебя с дочкой будет во сто крат горше.

— Посему соберись с силами, настройся на трудную борьбу и внимательно выслушай, что я тебе скажу, — лесная чародейка приготовилась открыть свои задумки.

— Ты уверена, что без твоей помощи у меня получится одолеть скопище леших? — всё ещё сомневался вологжанин.

— Отчего ж без моей помощи? — хитро взглянула лесная дева. — Я уже придумала, как тебе помочь, дабы провести лешаков за их корявые носы.

— Да где же в тайге прятка этакая найдётся, чтоб от них укрыться?

— Сначала на воде, Илюша, а потом на святой земле, куда бесы сунуться не смогут...

— В Даниловской обители? Так туда шибко далеко добираться, — заспорил Илья.

— В сторону Данилова, конечно, надо будет одновременно с твоим побегом кого-то отправить для обозначения ложного следа, — подхватила высказанную идею Лессия. — О том ты сам сговоришься с большаком Дмитриевым. Но тебе лучше направиться через Куганаволок в ближний Муромский монастырь. Ты же говорил, что бывал в тех местах. Тут главное — споро добежать до побережья Онего-озера. Тамошний озёрный царь — добрый приятель наших водлозерских водяников. Они его предупредят, дабы он тебя от лесных прикрыв на своём берегу.

— До того берега, кажись, тоже путь неблизкий. Пешим мне туда от лешачьей погони никак не уйти, — вологодский купец никак не мог избавиться от уныния.

— А ты купи в Куганаволоке доброго коня у своих братьев-староверов, — продолжала советы девушка. — О том с ними тоже можно через Егора Фомича загодя сговориться. Так, чтоб сразу, как ты подплывёшь на лодке к южному мысу, вскочил на осёдланную лошадку да поскакал по дороге на Пудож к Водле-реке. По ней сплавщики на Шалу срубленный лес гонят. Легко можно плот сладить. Но лучше под плотом устроиться... Да и на Водлозере сам из лодки до поры не высывайся, лежи на дне под рогожей. А в кормщики своего приятеля Федьку Иванова найми. Он ловко умеет парусом управлять, скоренько через озеро домчит... Этак, глядишь, тайком да украдкой лишнее время выгадаешь. И мы тут ещё следы лешим попутаем, дабы не сразу они верное направление угадали.

— Как же ещё? — у парня проснулось любопытство.

— Да вот как, — по уверенности Лессии можно было догадаться, что она всё продумала до мелочей. — Для отвода глаз попроси Пешу Корелянина вместо себя будто бы ко мне на Берёзовый остров сплавать, а затем прямо в Новгуду наведаться. Ему-то лешаки не страшны, они сами его побаиваются и по уговору с хозяевами Смертьгоры сделать с ведунном ничего не могут. То и выйдет, что их внимания он отвлечёт немало.

Потом погоня кинется за Егором Дмитриевым по Даниловской дороге. А ты в тот срок уж на коне к Водле поскачешь. Дабы все эти передвижения не выглядели странными, назначить их надобно в праздничный день — значит, ближе всего — на Успение Богородицы. В южной Кевасалме как раз престольный деревенский праздник. Хорошо бы там же, а не в Куганаволоке, лошадку для тебя загодя поставить — оттуда быстрее особенно опасное ближнее Лешозеро минуешь, где тебе точно могут устроить ловушку...

— Верно! На Успение Богоматерь и меня своим покровом оборонит.

— Ну и я к тому небесному покрову, Илюша, тебе в дорогу свои заветные обереги дам. Вот, держи, — лесная дева стала выкладывать суженому чародейные средства и объяснять их волшебное назначение. — В этом мешочке заговорённые камушки — когда бросишь их следом за собой, сзади вроде как крутая каменистая гряда вырастет. Пусть это только видимость, но своей силой она остановит, оттолкнёт леших, заставит их терять время на поиск обходных путей. В этом бычьем пузыре спрятан непроглядный туман — выпустишь его, когда сам найдёшь возможность куда-нибудь схорониться от близкой погони. А в этой склянке таится моя лучшая настойка. Таковую днём со свечкой нигде не сыщешь. Глотнёшь её, то сразу на время сделаешься невидимым для лешаков, сольёшься с древесной корой, с травой-муравой или каменной глыбой. Только затаись ненадолго, дабы себя шевелением не выдать, и глаза крепче закрытой. Тогда никто тебя не узрит.

Немного постояв в молчании и поняв, что прощальные наставления подруги закончены, Илья привлёк её в свои объятия и стал безудержно целовать губы, глаза, щёки любимой. Лессия страстно ему отвечала, но уже не могла сдерживать слёз, которые вскоре перешли в рыдания, сотрясавшие её стройное тело.

— Милая Лесинька, неужто мы больше с тобой никогда не свидимся? Ты этак горько не плачь, не разрывай моё сердце... Я не хочу запоминать тебя слабенькой нюней... Хочу, чтобы ты осталась в моей памяти луноликой красавицей с изумрудными звёздными глазами и весёлым голосом, журчащим как тот лесной ручеек, впадающий в Новгуду недалеко от твоего домика, — растроганный Илюха крепче об-

нял девушку одной рукой, а другой успокаивающе поглаживал её растрепавшиеся волосы и напряжённую спину.

— Илюшка, это я просто своё сердце поделила пополам и одну его половинку отдаю тебе... А половинку твоего себе забираю... Оттого и кажется, что сердца наши разрываются... На самом деле мы просто замешаем их друг другу по частям... — Лессия попыталась открыто улыбнуться, отчего слезинки на её ресницах тоже сверкнули чистым изумрудным блеском.

— Вот и замечательно, значит, мы всегда будем одинаково чувствовать друг друга... Что бы с нами ни случилось в разлуке... Где бы мы ни были — мы останемся вместе! — заверял подругу вологжанин.

Она мечтательно откликнулась сквозь слезы:

— И, может быть, мы с тобой ещё встретимся наяву, если когда-нибудь по зову вторых половинок наших сердец вернёмся сюда...

— На Берёзовый остров? — усмехнувшись неожиданному мечтанию, спросил Илья.

— Или на Новгуду, где мы тоже были безмерно счастливы... — подхватила Лессия.

— Лучше в какое-то другое укромное местечко в здешних краях, где ты сможешь спрятать нас от лешаков своим безотказным мороком, — Белозерский совсем увлекся.

Девушка встрепенулась, не скрыв удивления:

— А ты разве решил остаться на севере? Ты же хотел возвращаться в Вологду и продолжать купечествовать, принимать в наследство дело отца...

— Похоже, остыл я к торговым хлопотам, — выдавил из себя выстрадавшее признание купеческий наследник. — А к людям и местам здешним, наоборот, душой прикипел. Если удастся мне сбежать от лешачьей погони, доберусь с холодами в Даниловскую обитель и постригусь там в иноки... Тайком я уже подумывал об этом раньше. Теперь, когда без тебя останусь, вовсе покоя среди мирян не найду, глядишь, сорвусь незначай. Уж лучше смирю гордыню в служении Богу да отмолю грехи свои тяжкие. Родителям отпишу, что не смогу больше жить в миру... Они поймут и простят меня. Батюшка Павел Ерофеич ещё вполне крепок, а потом у него внучок Ерошка наследство примет, когда подрастёт. Мне, наверное, иное предназначено, коли попал тут в этакую передрагу...

— Нешто жалеешь о том? — насторожилась лесная отшельница.

— О встрече с тобой, Лесинька, я несколько не жалею... Да жаль, что былым мечтам нашим не суждено сбыться, — опять взгрустнул Илюха.

— И то верно, роковые обстоятельства все-таки оказались сильнее нас...

В продолжавшейся беседе, принявшей обычный житейский характер, Илья и Лессия совсем успокоились, обрели какую-то новую мудрость, преодолевшую смутившие их поначалу чувства растерянности и горечи от неизбежности расставания. Потому раздавшийся с лесного берега волчий вой верного Белика, предупреждавший о вероятных неприятностях, уже не вызвал у них лишних переживаний.

— Видать, пора мне в путь, чтоб не заплутать в потёмках на озере и не попасть раньше времени в лапы лешачьей своры. Прощай, любимая! Не поминай лихом раба божьего Илью, но сохрани обо мне добрую память! — вологжанин снова крепко обнял и поцеловал подругу в губы так страстно, словно хотел до конца своих дней насытиться этим последним лобзанием.

— И ты меня никогда не забывай, милый мой Илюшенька! А советы мои помни... Я навсегда останусь только твоей... Что бы ни случилось, будем надеяться на нашу новую встречу, посему говорю тебе: до свидания! Да спасут тебя твои небесные покровители! — оттолкнув лодку с любимым от берега, Лессия ещё долго стояла на самом кончике острова и махала вслед зажатой в руке берёзовой веточкой, будто отмахивая от милого друга наваждение беды, чем продолжала оберегать его от грозной опасности.

Отрыв от погони

Поднявшиеся на разбушевавшемся Онего штормовые волны едва не докатывались до случайного убежища Илюхи, устроенного им под кокорой старой сосны, завалившейся с края обрыва кроной к озеру, но ещё цеплявшейся мощными корнями за скупую землю, в которую она прочно вросла за полтора века жизни. Под навесом переплетённых корней и спрессованной с ними почвы парень оказался надёжно защищён от дождя и ветра, как в нарочито открытой землянке. Да и гнавшиеся за ним от самого Волозера лешаки никак не смогли его приметить и

достать, а теперь вовсе принуждены были ни с чем возвращаться восвояси под угрозой прямого столкновения с силами могучего хозяина Онежских вод, ясно давшего им понять, что он взял беглеца под свою защиту...

Побег Белозерского из Кургилова от пытавшейся его поймать лесной нечисти прошёл точно по плану, придуманному Лессией. Оказавшие ему содействие водлозерские знакомцы без всяких сомнений согласились ему помочь, когда он о том у них попросил и признался в причине сложившихся с лешими напряжённых отношений.

Когда по совету любимой Илья пришёл за поддержкой рискованного начинания к Пеше Корелянину, тот даже не стал слушать его объяснений, сразу усадил вологжанина перед собой, наложил ему на голову тёплые руки, отдавая в дар какую-то часть магической силы, и только потом заметил:

— Мне ты, Ильмо, о сжигающих тебя чувствах к Лессии можешь не рассказывать. О том, что так оно должно случиться, я знал ещё до вашей роковой встречи. Догадывался, что в случае нужды разумная девчонка обязательно обратится ко мне, дабы я вас из беды выручил. Коли беда всё-таки грянула, я в стороне не останусь. Попробую подольше отвлечь на себя внимание лесного хозяина, отправившись с утра через Берёзовый остров на Новгуду. Но ты не особо рассчитывай, что придуманные вами плутни смогут задержать лешаков надолго. Они же, как лесные духи, способны передвигаться по своим дебрям очень быстро. Потому сам тоже не плошай и не задерживайся лишку. Как только Егор Дмитров следом за мной направит свою лодку в сторону Загорья, сразу ставьте с Федькой парус и срывайтесь ветром в Кевасалму...

— Если тебе, дед Пеша, уже известен весь наш замысел, разве лесные бесы не могут его угадать столь же ясно? — с беспокойством спросил Илья старого карела.

— Не бойсь, ведовских умений они совершенно лишены, хотя горазды кичиться своими сверхъестественными способностями, — уверенно ответил знаток магии. — Иные сведения о будущем им, как всяким демонам, конечно, приоткрыты. Однако же без точных подробностей и не об их собственной судьбине. Сия мелкая нечисть даже мысли человеческие не в состоянии распознать, не то что угадывать разви-

тие событий. Посему успех противостояния с ней будет всецело зависеть от твоей, Ильмо, смекалки и скорости принятия верных решений. Опаска с береженьем принесут тебе спасенье. Да пребудет с тобой крестная сила!

— Бережёного и Бог бережёт, — согласился Илюха и чуть замялся перед следующим прошением, но наконец решился его высказать: — Напоследок есть у меня к тебе, уважаемый Пётр Тойвович, ещё одна слёзная просьба...

— Эка похвально, что не забыли люди полное имя старика Пиетари... А по поводу твоей просьбы, считай, ты её уже высказал. Будь спокоен, Ильмо, Лессию я без защиты тоже не оставлю, не позволю отдать на поругание уже брюхатую вашим дитём девицу, непременно помогу ей отсюда сбежать. Пока лешаки за тобой гоняются, она сама в другом направлении от них так оторвётся, что уж не поймаетшь улетевшую в небеса птичку. Ты что же думал, будто зря она меня к себе на Новгуду вызвала? Задумка её в том и состоит, чтоб я не только от тебя погоню отвлёл, но и прикрыл её собственный побег за Уральский камень, пока наши лешие всем скопом к Онего-озеру рванут. Да и живность свою ей больше не с кем оставить — и козу, и курей с Пестряком, и баловницу Соньку к себе заберу... Белик-то наверняка с Лессией уйдёт, а вот зеленоглазая кошулка пушай мне о ней напоминает...

— Неужто тебе самому месть леших ничуть не страшна? — с восхищением взглянул Илья на мужественного деда.

— А чего мне, старику, страшиться? В жизни я уже познал многое, почитай, восьмой десяток на земле сей грызу... Да и в чём, скажи на милость, меня кто-то сможет обвинить? Только в посредничестве между мирами людей и духов. Так и есть в том моё предназначение. Без убедительного доказательства моей вины перед приславшими меня хозяевами Воттоваары здешняя нечисть ничего мне сделать не сподобится... Скажу тебе больше: наступит такое время, когда ты, Ильмо Павлович, тоже станешь для неё неприкасаемым. Правда, не по нашенским ведовским условиям, но по ожидающей тебя в будущем святости. Всё случившееся с тобой лишь потому произошло, что ты к тому избран был свыше. Иначе бы ты просто проскочил мимо всех напастей и никак не узрел оком нечистых духов, коих обычным человекам видеть не дадено. Попомни, вну-

чок, моё верное слово. Да и вообще не забывай в жизни уроки старого ведуна Пиетари. Они тебе пригодятся... В добрый путь!

...Большак Егор Дмитров, уразумев просьбы Ильи, понятно, ответил на них горячо:

— Эвон как получилось! Охмурил ты всё ж нашу таёжную красавицу. Ёлочки-сосёночки, что-то подобное я ожидал, но не до такой же степени, чтоб самого лесного хозяина дразнить. Впрочем, горького не хлебнешь, так сладкого не спробуешь. А лешак ён и есть лешак. Хоть прозываем мы его «лес праведный», но я-то знаю по встрече с ним, какой ён зловредный. Догадываюсь, ежели ты, Илья Павлович, всерьёз с его дочкой любовь закрутил, ён тебя ни в жисть не простит...

— Потому, Егор Фомич, я и пришёл к тебе за помощью. Без твоей житейской мудрости и опыта полесника мне с лешими не справиться. Подсоби, если не боишься.

— Скажу тебе, как дед Пеша Корелянин, чего ж нам, крещёным, бояться? Мы вроде как в заботы лесного хозяина совсем не суёмся. Свои дела правим, по своим нуждам едем, к своим людям за подмогой обращаемся... Так тому и быть. Ты нас в голодную пору хлебушком из Данилова выручил, отчего теперь нам тебе в свой черёд не помочь? Как говорится, долг платежом красен. А ты ко всему прочему собственные деньги за требуемые хлопоты предлагаешь. Отправлю я сразу сношеньку свою Настасью Игнатьевну к её родичам в Куганаволок, чтоб она тебе коника доброго у наших знакомцев купила да держала его к Успению осёдланным в Кевасалме. И мне в праздничный день нисколько не зазорно будет сплавать до Пильмасозера, дабы навестить давнего приятеля Савву Каргопольца и вместе с ним проехаться по лесной дороге на знакомые ему охотничьи уголья. Пушай лешак нас там проверяет да досматривает. Всё, что для охоты надобно, у нас с собой случится. А то, что в сей раз мы тебя не прихватим, так в том никакой нашей провинности нету. И сердчать на нас не за что. Посему не журись, Илья Павлович, не подведём! Главное, чтоб ты сам не оплошал. Желаю тебе удачи и верной защиты всех небесных сил! Спаси тебя, Господь, за дела твои добрые! Ступай с Богом!

...Сговориться с Федькой Ивановым оказалось проще всего. Ему Илья даже рассказывать не стал про Лессию, только денег посулил, что-

бы тот быстро домчал его до Кевасалмы в тайне от невесты почему преследующих его лешаков. Фёдору и того было довольно, что он почувствовал себя настоящим героем, выручающим товарища из беды в изрядно рискованной ситуации. Не подвёл он в деле: аккуратно к полудню в праздник Успения Богородицы быстрая водлозёрка со спрятавшимся под рогожей Ильёй Белозерским причалила к южному мысу неподалёку от заветной часовенки, где всюю шла престольная служба. Там дожидалась беглеца Настасья Игнатьевна с налаженной в дорогу лошадкой. Наскоро попрощавшись с водлозёрами, вологжанин вскочил на коня и под звон очнувшегося часовенного колокола поскакал по единственной чуть укатанной дороге в сторону Пудожского почтового тракта.

Находящееся по соседству с Кевасалмой, имевшее дурную славу Лешозеро он наскоком миновал беспрепятственно — пока в деревне ещё раздавался праздничный колокольный звон, от коего готовившие ему ловушку лешаки в беспокойстве схоронились в своих норах. Так сработал верный расчёт на заступничество Царицы Небесной.

Дальше в ход пошли заговорённые обереги Лессии, когда вслед за опомнившейся местной лешачьей сворой в погоню за ясно обозначившим своё продвижение обидчиком лесного хозяина кинулись буквально все лешие Водлозерья, отставшие и от пришедшего на Новгуду ведуна Пеши Корелянина, и от застигнутых в районе Пильмасозера большака Егора Дмитрова с его напарником Саввой Каргопольцем, и от других полесников да рыбаблей, случайно оказавшихся в тот день на окрестных таёжных тропах.

Мешочек с камушками Илюха, как и советовала Лессия, опорожнил за спиной через полчаса скачки за Лешозером. Сам подивился возникшему вслед за ним видению высоченной каменистой гряды, уходящей по обе стороны далеко в тайгу. Лешакам эта заколдованная стеночка тоже показалась неодолимой. Они рассыпались вдоль неё искать возможность прохода. А ветер уже крепчал, и небо вздыбилось свинцовыми тучами, сбившимися в кучи от гнева закипавшего недовольством лесного хозяина.

Илья тем временем успел добраться до многоводной Водлы и, хлестанув коня, отправил его в левую сторону, напрямиком на Пудож. Тут

же на берегу он выпустил из бычьего пузыря облака молочного тумана, потуже завязал кожаную котомку со своей поклажей, пристроил её у себя на груди и, взяв в рот полулю камышину, нырнул под связку сплавлявшихся вниз по реке попутных брёвен. Его и без всякого тумана сверху не видно было — плывёт себе небольшой бревенчатый плотик, на котором кроме неровно обрезанных сучьев обычная приречная травина из щели торчит. Попробуй догадайся, что через неё человек под водой дышит. А в тумане вовсе ничего не заметишь.

Вот и лесные бесы, когда до Водлы с опозданием долетели, тоже не учуяли след беглеца. Снова визг подняли. Одни влево помчались конягу догонять. Другие кинулись правую отворотку проверить. Иные унеслись вниз по реке и по дороге на Шалу — до самого Онежского побережья... Нет нигде ушлого обидчика, пропал из виду, словно в воду канул.

А беглец вскоре заметил снизу, что туман рассеивается, да своевременно смекнул: пора вылезать и искать новую прятку поближе к спасительному озеру. Вынырнул из воды, пока лешаки края леса обшаривали, забрался в берёзовой рощице в кучу опавшей листвы, выпил из склянки данного ему любимой её лучшего зелья и притаился в ожидании неминуемого шума возвратной погони. Выждал, дождался, переждал...

Чу, свист и треск лешачьей скачки поверх него обратно к Пудожскому тракту умчался. Впрямь не разглядели его лесовики, ставшего для них совершенно невидимым. Илья осторожно выбрался из кучи, стал листву отряхивать — что за диво: сам себя рассмотреть не может. Поднял глаза вверх. Неподалёку на берёзовой ветке кривоклювый сокол присел, тоже искоса смотрит в его сторону и понять ничего не может: вроде что-то совсем рядом шевелится, но даже его зорким глазам ничего не видать кроме беспричинно двигающегося вороха листьев. Что за странные тут места — то оголтелые лешаки стаями туда-сюда носятся, то листья сами вверх поднимаются и осыпаются невесть откуда?

А Илюху такое наблюдение немало порадовало. До Онего-батюшки уж рукой подать. Бесы обратно вернуться не успели, как парень до самого озёрного берега добежал, прыгнул под обрыв и спрятался под старой сосновой кокорой,

от которой взявший беглеца под защиту Онежский водяной царь мог запросто сдуть любых лешаков могучим крестовым ветром, поднявшим немалые штормовые волны. Тут на время впрямь закрутилась шальная непогода от встречных ветродуев. Да куда там мелким лешакам на чужой территории с хозяином огромного Онего-морюшка тягаться?! Всю злобу свою до остатка выдули, губы от обиды надули и отступились подобру-поздорову.

Смятение чувств

Ночь Илюха провёл в тревоге, не решаясь выскунуться наружу из своего убежища. Спал урывками, просто забываясь от накатившей усталости. Ветер долго не стихал, резкими порывами надувал и тут же рвал на шумевших вблизи озёрных волнах ключья белой пены, грозно подвывал где-то рядом, словно тот закрутившийся в вихревой воронке вздорный лешак.

Оттого одинокий человек, только что избежавший смертельной опасности, чувствовал себя неуютно и беспомощно. Беспоконство не то что долго его не покидало, но некоторое время даже росло вместе с отчётливо всплывавшими в памяти яркими эпизодами удачливого побега, в самой его суматошной гонке не казавшимися столь страшными, какими вдруг проявились в их теперешнем осознании.

Кому расскажешь — не поверят. Да и у самого потом найдётся повод сомневаться, было ли всё это в действительности. Ведь своими глазами ты ту свору леших видеть не мог — то без оглядки улётывал от шума погони, то под водой в тумане прятался, то в куче листвы зарылся... Только свист да вой в ушах звенел. Но, поди ж, попробовал бы по ходу дела усомниться в реальности происходящего, вмиг бесы в клочки б разорвали.

Фу ты ну ты... Вот ведь опять в трудную минуту Тимоха Тверянин вспомнился. Видать, после трагической кончины он сам в ангелы-хранители записался и теперь Илюху прикрывает. Ну и добре... Слава Богу, пронесло беду стороной! Вроде всё цело осталось. Тело обрело прежнюю осязаемую форму. Голова, руки, ноги невредимы — на них заметны лишь синяки да ссадины... Горб на спине тоже не вырос, потому что ни один лешак его не нагряз, не догнал, не дотянул-

ся до желанной добычи. А как данные Лессией в дорогу заветные оберегигодились... Жаль, ничего из её чудесных снадобий не осталось — одна пустая склянка. Вот уж впрямь чудным показалось ощущать себя невидимым. Какая же она затейливая кудесница!

Хотя с детства слышал Илья от деда Ерофея байки об удивительных колдовских чарах и проделках всякой нечистой силы, да как-то с годами утратил к ним доверие, больше в сказочное прошлое их относил или к иным мирам, которые с обычной человеческой жизнью мало соприкасаются. А тут — на тебе, сполна всё сам ощутил, что называется, на собственной шкуре испытал. Как после этаких передрыг не поверить в реальность потустороннего мира и силы магического чародейства?

Отчего-то вслед перед мысленным взором вологжанина возник благообразный иеромонах Кирилло-Белозерского монастыря отец Иона. Это же он, нервно потрясая старческим перстом над бликующей под светом свечей лысиной, однажды высказал парадоксальную фразу: «Если бы диявола и бесов не было, их следовало непременно придумать, дабы люди устрашились их козней и искушений, их незавидной участи и печальной вероятности сурового наказания за собственные грехопадения, а тогда бы гораздо твёрже уверовали в Господа Бога, в предлагаемый Им путь к спасению душ человеков...»

К чему вдруг отец Иона на ум пришёл? Уж Илью вовсе не надо такими заумными приёмчиками убеждать в бытии Господа Вседержителя... А нынче он и водно-лесной бесовщиной наяву довольно пытан...

Другой вопрос: почему всё-таки именно на его долю выпали сии тяжкие испытания — в наказание или в назидание? Поди уразумей. Впрочем, не в подсказку ли говорено: какой день пришёл, тот уж до нас дошёл, а какой впереди, того теперь берегись...

Конечно, иным серьёзным искушениям мальчишка по неопытности бездумно поддался. Аж до того дошло, что по уши влюбился в девуцу не от сего мира. Вроде, выходит так, что он совсем страх божий утратил, совесть потерял, заповеди библейские запаматовал... Однако же Илья полюбил в Лессии не чуждые, бесовские, но вполне нормальные человеческие начала. Разбери-пойми, какие там у настоящей Любви

законы есть. И есть ли они вообще, когда она всецело овладевает душой — как наваждение, как болезнь, как природная стихия?

Любовь есть мера всего сущего — так Христос заповедовал в Евангелии. Как же быть с этим краеугольным камнем христианства? Или саму Любовь тоже не помешает для верности разделить по ранжиру — на чистую и нечистую, разрешённую и запретную, стыдливо-платоническую и по-земному плотскую, то бишь обязательно греховную...

Мама не горюй, чем больше вопросов себе задаёшь, тем больше путаешься. Впрочем, теперь из той путаницы какой-то ясный путь надо искать. Что было, то прошло, а чему быть, того не миновать. Пусть же исполнится что предназначено!

«Верно, внучок, коли ты живой остался, значит, Господь на тебе крест не поставил. Он лишь испытывал тебя в таких переломных обстоятельствах, каких другим человекам, послабже духом, никогда не назначит. Сии наваждения Бог попускает на самых сильных, дабы увериться, что и впредь может на них опереться. Значит, есть у тебя возможность дела свои поправить, — снова сидел перед Илюхой спокойный и мудро улыбавшийся дед Ерофей. — Вот я помню, как мой батюшка Кирюха Оглобля нас с братьевыми в житейской крепости наставлял: «После драки, сыны, кулаками не машут, а раны зализывают, дабы к новым схваткам себя подготовить и наперёд не оплошать». Так и ты себя готовь к большой и трудной жизни. Пережитое наукой будет, бывшие боли волю укрепят, одоление сомнений мудрости добавит. И судьба твоя отныне такой сложится, какой ты её сам сделать сумеешь и по крепкой вере своей набело напишешь...»

Потом в видениях пришли к Илюхе со словами поддержки отец Павел Ерофеич, мама Ульяна Гордеевна, дядьки-стрельцы, бабка Акулина, братья Фролка и Миха... Смятение чувств окончательно развеялось в упоении крепкого предутреннего сна. Последней, кого он успел увидеть перед пробуждением, была милая Лессия, одиноко стоявшая на самом кончике Берёзового острова и прощально махавшая ему вслед зажатой в руке веточкой. Умница — не забыла обещание всегда оставаться с любимым, которому отдала половинку своего сердца...

В щели между освободившимися от осыпав-

шейся земли корнями сосны проникали яркие солнечные лучики, игриво скакали весёлыми зайчиками на лице, щекотали вздрагивавшие в полудрёме ещё накрепко сомкнутые веки. Сквозь них очнувшийся Илья уже ощущал утренний свет, удивляясь установившемуся вокруг покою природы, внезапно сменившему ночную бурю. С утвердившейся в нём самом спокойной радостью он открыл глаза новому дню. Прислушался, осмотрелся...

Где-то близко в лесу вдруг раздалось громкое кукование. Видать, пробудившуюся кукушку тоже переполняла радость овладевшего округой умиротворённого спокойствия — она так увлеклась своей ритмичной судьбоносной песней, что Илюха сбился со счёта, пытаясь определить количество отведенных ему лет земной жизни. Невольно даже подумалось, что люди так долго жить не могут. Но от этой мысли почему-то стало особенно приятно после пережитых накануне треволнений.

Волны Онего продолжали друг за другом размеренно накатываться на берег, но ничуть не грозно, а скорее лениво. По небу плыли не тёмные тучи, а белоснежно-кудрявые облака, открывая в промежутках между собой бездонные голубые колодцы. И сами эти облачные громады напоминали заснеженные вершины диковинных южных гор, которые дед Ерофей видел в персидском походе за зипунами с казацкой ватагой донского атамана Стеньки Разина и не раз восторженно описывал в своих путевых рассказах.

Илья вылез на гладкие гранитные плиты до блеска вылизанного волнами побережья. Сперва привычно помолился Богу. Затем перекусил найденными в дорожной котомке припасами. Запил скромный завтрак чистой водицей, зачерпнутой горстью из озера. С благодарностью за участие в своём спасении в пояс поклонился Онего-батюшке. Хоть снова как-то по-язычески получилось, да уж как дед учил — по старым заветам и от всего сердца.

И только тогда, когда путник двинулся вдоль озера к югу, в сторону Муромского мыса, он обратил внимание на раз за разом попадавшиеся ему под ногами наскальные рисунки древних людей. Ба, да это ж те самые «бесовы следки». Хотя не совсем те, которые он видел прошлым летом на остановке близ Муромского монасты-

ря. Оказывается, их скопления встречались ещё в нескольких местах, где скалы полого спускались к Онего между песчаными отмелями и обрывистыми берегами. Найдя наконец знакомые силуэты, Илья догадался, что подходит к стоянке онежских рыбаков на речке Гакугсе.

Перед островом Мучь

На стоянке в устье Гакугсы, куда за год перед тем заходила на ночёвку команда соймы кормщика Корнея Матвеева, вышедший по берегу Илья застал троих местных рыбаков, хлебавших из артельного котелка наваристую ушщу. Рыбари оказались одного семейного корня. Старший из них, дед за 70 лет, представился гакугским «христианином» Якушкой Козьминим. А в подручных на промысле заодно с ним отработывали монастырский оброк его зрелый сын Федос и ещё холостой внук Афоня.

После шапочного знакомства и обмена общими сведениями о тех причинах, кои случайно свели их в месте встречи, старик пригласил путника приобщиться к скоромной трапезе с только что выловленной рыбкой, которую наконец-то православным разрешалось вкушать после завершившегося в праздник Успения Богородицы строгого двухнедельного поста. Тройная уха оказалась на редкость вкусна: кроме окушков и прочей мойвы навар ей добавили поистине царские онежские рыбыны: судак, сиг, лосось, теперь тоже вынутые из котелка и дымившиеся рядышком на большом куске бересты в ожидании, когда в трапезе промысловиков наступит черёд второго блюда.

Состоявшаяся за едой беседа позволила вологжанину пополнить знания об одном из древнейших северных монастырей из уст его приписных крестьян и одновременно полноправных вкладчиков. Такие вот неординарные отношения сложились тогда у отрезанной от внешнего мира святой обители с её окрестными данниками. Ничуть не кабальные, но скорее взаимозависимые и обоюдно полезные.

— Эх, милоч, ты спрашиваешь, как мы тут живём? Да как все люди живут — где судьба, а где глупость своя... В сей лесной глуши жизнь не сладкая, не мёдом мазанная, — привычно жаловался на тяжкие обстоятельства обитания в таёж-

ном краю дед Якушка. — Больших поселений в округе почитай совсем нету. От нашей деревеньки Тучина Гора, что выше по Гакугсе стоит, к Онего-батюшке пятнадцать вёрст с гаком плыть. Рядом тоже малодворные деревушки, о которых так и говорят: «Кругом болота и леса, а посередине Гакугса». До центрального Пудожского погоста на восток за сутки едва ль доберёшься. Даже в южную Андому быстрее обернуться будет али к устью Вытегры по озеру с попутным ветерком сплавать. Посему нам Муромская пустынь особенно дорога. И как кормилица за пользование нашими работными руками, и как надёжный островок призрения за больными да престарелыми старожилками, за солдатами-калеками, получившими увечья в войнах на ратной государственной службе... Слава Богу и Его досточтимым святым подвижникам Лазарю да Афанасию Муромским за то, что удалось им устроить монашеский лад на былом острове Мучь...

— Хоть ты мне объясни, дедушка, на каком же таком острове? — поинтересовался Илья. — Проплывали мы прошлым летом на сойме вдоль всего этого длинного мыска, однако никаких признаков острова не разглядели. А вытегорский кормщик Корней всё тоже о нём сказывал, о том самом островке Мучь...

— Издревле повелось сей Муромский Нос островом прозывать... Сам я уж не ведаю отчего. Может, прежде в Онего-моряшко впадала из Муромского озерца какая-то южная протока, перекрытая потом насыпью под тележную объездную дорогу. Да с сей стороны Гакугса с тем озерцом через болота ручьями прочно связана. Видать, оттого и выглядел сей мыс островком для жившей тут лешей лопи. И авве Лазарю перед его приходом сюда о том в видении свыше было донесено. Так именно в завещании самого основателя пустыни указано, о чём я от здешних монашей не раз слыхивал.

— Мне вот тоже довелось слышать, что это муромские монахи на недалних скалах крест выбили над древним рисунком, который посчитали изображением чёрта... Для того будто б, чтоб он никогда не вылез из примеченной там глубокой расщелины, — Илья снова показал, что немного знаком с особенностями здешних мест.

— Так оно и есть, — подтвердил старик Якушка. — Иные именно преподобному Лазарю сие действие приписывают. Ибо он первым

из святых христианских подвижников пришёл в сей языческий край, был не раз бит и гоним лопью да чудью. Однако все ж оборонился от враждебных поначалу соседей словом Божиим и потом многих язычников крестил в нашу православную веру.

— Небось, на сей счёт тоже отдельное предание в завещании Лазаря имеется? — высказал догадку вологжанин.

— А как без того! — Якушка обрадовался возможности поделиться со странником полученным от монахов знанием. — Ангелы Божии в оборону Лазаря от язычников наслали на них невзгоды. И у ихнего вождя сынок уродился совсем незрячий. Тот вождь с горя-то пришёл на поклон к авве Лазарю. Коли, говорит, сына от слепоты исцелишь, поверим мы в твоего Бога, оставим тебя в покое и сами отседова уйдём. Помолился преподобный за младенца, глазки его к чудотворной иконке приложил — и слепорождённый прозрел. С той поры лопь лешая по данному завету на север откочевала, а сам её вождь и иные его сродники под впечатлением от явленного им чуда утвердились в истинной вере, крестились в Православие, постриглись в монаси да остались в обители с первыми насельниками.

— Как давно всё это было, когда святой Лазарь здесь обосновался?

— Доподлинно не скажу, — задумался дед. — Ведаю только, что два года назад братия отмечала 310 лет со дня его успения. Сказывают, перед тем преподобному явился его небесный покровитель святитель Василий Новгородский и открыл ему дату кончины земной жизни... К ней старец смог спокойно подготовиться — причастился, простился с братией, отдал остатние наставления да распоряжения и мирно почил в возрасте 105 лет.

— Выходит, Лазарь из Новгорода сюда прибыл? — уточнил Илья.

— Сюда оно так, из Новгорода. А в Великий Новгород на служение митрополиту Василию, милоч, он приехал аж из самого Царьграда, — старый рыбак с нескрываемой гордостью поднял вверх перст правой руки. — Чистый грек он по происхождению. И сменивший его во главе обители старец Феодосий со святой Афонской горы вслед за соотичем на дикий север перебрался. И ещё несколько греческих иноков сюда за ними последовали — Елеазар, Евмений, Назарий, кои

после в Олонецком крае Предтеченский монастырь основали... А наравне с Лазарем тут особо почитают преподобного чудотворца Афанасия, первым возведенного в сан игумена и утвердившего в обители истую крепость.

— Меня с моим сыном батюшка в честь первостроителей пустыни прозвал, — вставил слово усмехнувшийся Федос. — В память самого Лазаря никого из нас наречь не решился, будто бы из-за явно жидовского духа сего имечка. А вот имена Феодосий и Афанасий вполне по-русски звучат...

— Ужо я тебе шею намылю, богохульник, — старик замахнулся деревянной ложкой на сидевшего поодаль пятидесятилетнего мужика, а подвернувшись под руку прыснувшему от смеха Афоньке всё-таки достался звонкий удар по лбу.

— А что я такого богохульного сказал? Разве сам Христос и воскрешённый им друг Лазарь не евреи были по рождению? — попытался оправдаться Федос.

— Беда с тобой, Феодосий, до зрелых лет дорос, а ума не нажил, — выговаривал сыну Якушка. — Не в происхождении же дело, но в их предназначении для вразумления человек! Вовсе не потому я не решился имя Лазаря всеу поминать, но из вящего уважения к великой святости сего славного христианского подвижника.

— Неужто, дед Якуш, ты с этакой уважительностью почитаешь весь соседский монашеский притч? — поинтересовался молодой купец. — В иных-то местах подневольные крестьяне от злой кабалы монастырей стонут...

— Да нам что с того? Всяк кулик в своём болоте велик, — отрезал старожил. — Бают, допрежь окрестные деревеньки, отписанные ноне Муромскому монастырю, принадлежали новгородским князьям да боярам. Значица, мы бы до сей поры на них боярщину отрабатывали. Нам, сирым, не всё ль равно — ради кого ярмо тягать? Проживать-то мы и дома свой запас проживём, а вот наживать в люди ходим. Монастырские пока по-божески с нас оброки берут, в случае крайней нужды с ними и сговориться можно полюдски, иным способом долги отработать. Вот как мы сейчас — в зачёт своей недоимки на рыбную ловлю подрядились. Заметь, на ихнем добром карбасике, своо-то у нас нетути. Лучшую рыбку, понятно, в обитель отдадим. Но ведь и нам от сих щедрот малость на пропитание оста-

нется. Что ж тут скажешь, кроме благодарности... И ко всему прочему мы не только работники, но и вкладчики нашей пустыни. Помню те времена, когда её у нас отнять пытались. Так я сам в ту пору вместе со старостами Вытегорской, Андомской и Пудожской волостей да иными соседскими хрестьянами приложил руку к грамотке в защиту Свято-Успенской обители от неправых посягательств на неё пришлых стариц.

— О каких вкладах ты толкуешь? И почему какие-то пришлые старицы пытались сим монастырём не по праву завладеть? — с любопытством продолжал спрос Илья.

— Вклады в монастырь стали давать ещё наши деды и прадеды со времён Ливонских войн, — объяснил дед. — Кто малыми деньгами, а кто зарочным обещанием бесплатно работать в пользу обители, пока немощь сил не лишит. Коли возвращались они домой с ратной службы, изувеченные в сражениях али обессилевшие опосля неприятельского полона, то получали за то право постричься тут в монаси и иметь добрый призор от братии до самой кончины. А кто мог, конечно, продолжал в трудах и покаянии жить в обители до немощной старости. Допустим, случись с нами какая беда, мы тоже, как монастырские вкладчики, на будущую защиту обители можем рассчитывать. А те старицы во главе с неистовой настоятельницей Неонилой нас сей надежды чуть не лишили...

— Когда ж то случилось? И как слабые монахини смогли мужской монастырь захватить? Верно, им кто помог? — не уставал удивляться Илюха.

— Когда случилось? Дай бог памяти! — Якуш ещё больше наморщил лоб. — У нас уж в ту пору малолетний Афонька на своих ножках бегал. Так, опосля Неонилы почти год обителью правил мудрый настоятель Иосааф, а нонешний игумен Варлаам уж четырнадцатый годок её окормляет. Да, точно, за два года до того, как Иосааф пришёл, тут как раз та Неонила воцарилась. Слыхал, что до того она была игуменьей Ильинского девчечьего монастыря в Шуньгской волости. А когда число стариц там выросло, стала приискивать для них новое обиталище. Ей и на Свири доброе место предлагали, и на онежском острове Брусно, но она именно на наш благодатный Муромский мыс алчный глаз положила. Да в своём ложном челобитье Новгородскому митрополиту

Корнилию указала, что, дескать, живут тут всего три старца, коих нетрудно будет куда-нибудь перевести. Меж тем в обители тогда подвизались три десятка черноризцев, в том числе наши израненные в боях сродники и близкие. Всех их по ложному навету Неонилы перевели в другие монастыри, из них 17 в Палеостровский. Вот с того случая вместо них старицы здесь два годочка хозяйничали, пока не остались без крепкой руки той зловредной игуменьи Неонилы. Она вдруг скоропостижно померла и погребена тут же за алтарём церкви брата Христова Лазаря, которую построил ещё сам Лазарь Муромский...

— Получается, что вам монастырь вернули по хлопотам вашим. А ты помнишь, дедушка, куда и кому вы тогда свою грамотку писали, раз всё так удачно обернулось? — Белозерский не мог поверить, что высокие церковные власти удовлетворили челобитную просьбу простых крестьян.

— Как не упомнить, — горделиво подбоченился Якуш. — В саму Белокаменную челом били, в Патриарший приказ, на имя Великих Государей, царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великой Государыни, благоверной царевны и Великой Княгини Софьи Алексеевны, всея Великия и Малыя и Белия России самодержцев...

— Да уж — выше некуда. С трудом верится, что вас тогда на этаким верху услышали.

— Не суть важно, сами ли великие государи вняли слёзной мольбе, переданной им от нас, сирот убогих, али перепугавшиеся служки патриарха удосужились допущенную ошибку исправить, — равнодушно махнул рукой старик рыбарь. — Ан, главное, по-нашему дело spravилось. Знать, не зря мы ту грамотку писали вместе с дьяконом Макареем Никитиным. И наши черноризцы с Палеостровского монастыря восвояси возвернулись, и сама Муромская обитель с той поры окрепла. Даже новыми пустынями приросла в разных местечках... На Свири, где нонеча Олонецкую верфь построили, Кедринская пустынь обосновалась, под Олонцом — Курженская, под Вытегрой — Рубежская, на западном берегу Онего-озера — Сунорецкая, а ещё есть Петропавловская и Кенорецкая...

— По всему видно, широко развернулся ваш игумен Варлаам. Наверное, большого ума человек, — уважительно признал вологжанин.

— Наговаривать не буду, зело славный иерей, —

подтвердил Якуш Козьмин. — Не сумлеваюсь, Илья, что ты со мной согласишься, когда встретишь его да поговоришь по душам. После обеда мы тебя к нему спроводим, как пойдём свой улов келарю сдавать...

Блажен, кто верует...

Муромский Свято-Успенский монастырь оказался небольшим и уютным. Со стороны суши его огораживали старые бревенчатые стены, в общем-то, не способные послужить серьёзной обороной от вооружённых неприятелей, потому ничуть не спасшие обитель от разорения во времена Смуты после нападения «немецких и литовских людей», как прозвали в здешних летописях разбойные шайки дошедших до лесного севера иноземцев. Скорее, ограда обозначала отделившую этой границей от грешного мира территорию монашеского покоя. Над обрывистым берегом озера её не было вовсе, потому с острия мыса впечатляющему обзору бескрайней шири Онега ничего не мешало.

Стены заканчивались довольно высокими угловыми башнями, имевшими не столько сторожевое, сколько маячное назначение — на них в тёмные ночи зажигали яркие факелы для облегчения ориентации пловцов вдоль побережья судов. Ещё две башенки пониже были устроены над воротами. Одни из них выходили на полуночь к длинной песчаной дюне и выступавшей в озеро пристани. Другие вели на восток, куда в обход обложивших обитель непроходимых болот, вдоль аккуратно разработанных огородов, пашен и покосов убегала к Пудожскому тракту тележная дорога с глубокими колеями.

Внутри ограды стояли первой возведенная на Русском Севере большая престольная церковь во имя Успения Пречистой Богородицы Печерской и храм поменьше, освящённый в память Рождества Иоанна Предтечи, а также просторная трапезная, рядом с которой жили игумен и келарь, да плюс к тому братский корпус с монашескими кельями, двухэтажная богадельня для инвалидов, попавших под призрение монахов покладам или заветам, гостевой домик, складские и иные хозяйственные деревянные строения.

Самая древняя и самая маленькая, но особо почитавшаяся Лазаревская церковь осталась

чуть в стороне, за пределами ограды, на своём историческом месте, вокруг которого выросло монастырское кладбище.

Илья помог встреченным на стоянке в устье Гакугсы рыбакам донести кошелю с уловом до стоявшей на самом кончике мыса трапезной. Пока ждали келаря, дед Якушка подозвал подростка-послушника, в котором вологжанин узнал того самого белобрысого Геню, приходившего к кормишке Корнею Матвееву за проездным алтыном. Парень за год заметно возмужал, раздался в плечах и одновременно обрёл более свойственную монахам степенность поведения. Но, видимо, по-прежнему его главным послушанием оставалось исполнение поручений настоятеля и келаря. Как их порученец и служба-секретарь, он был запросто вхож к обоим начальникам. Потому именно через него знавший местные порядки крестьянин спрашивал для Ильи аудиенцию у игумена Варлаама.

Начальники, занятые серьёзным разговором, по суетным делам не спешили. Скоро вернувшийся от них Геня с важным видом передал их распоряжения: работникам отнести рыбу в холодный погреб, а вологодскому гостю подождать игумена в трапезной.

На лавках в полутёмной трапезной сидели и вполголоса беседовали меж собой тоже ожидавшие наставлений игумена пятеро насельников дальних монастырских пустынь, приехавшие в материнскую киновию на престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы. Тихонько пристроившийся в уголке Илья прислушался к их любопытной беседе. Речь у монахов-пустынников шла о некоем появившемся в миру странном праведнике, заслужившем несказанное уважение народа в Олонецком краю.

— Как вам ведомо, братья, у нас близ Кедринки государь Пётр Алексеевич лонись корабельную верфь ставить зачал, дабы большие военные корабли для флота на Балтике ладить. А некоторое время спустя на верфи тот блаженный Фаддей очутился. Бают, что его вместе с другими олонецкими крестьянами туда на работы пригнали. Да вскоре нарядники отступились от него, признав в нём юродивого, более полезного в духовном наставлении рабочего люда. И прожил-то он там недолго, но сразу обратил на себя внимание мирян. Допрежь того роптавшие на суровые порядки мятежные ду-

хом свирские корабелы после его нравочений присмирели, стали со вниманием прислушиваться к нему и следовать его словам. Хотя, скажу честно, на мой взгляд, не было в них никаких особенных откровений, окромя повторения известных всем Евангельских заповедей. Посему меня любопытство разобрало: отчего же к нему людишки так прислушиваются, а к иным нет? — с нескрываемым удивлением разводил руками прибывший из Кедринской пустыни престарелый отец Варфоломей.

— Как ты считаешь, брат Ефрем, за что миряне почитают того Фаддея, прозванного уже ими Блаженным? О нём ведь из ваших олонецких мест первая слава пошла... Чем он этакое уважение людей заслужил — какой-то великой мудростью али подвижничеством беспримерным? — спросил насельника Курженской пустыни приехавший из Рубежского скита вытегорец отец Мисаил.

— Да, братья, немало я о нём был раньше вас слышан, а однажды сам с тем Фаддеем стрелнулся и, вот вам крест святой, тоже проникся благоговейным к нему уважением, — в подтверждение своих слов отец Ефрем впрямь встал и степенно перекрестился на иконы, висевшие в восточном углу трапезной. — Слышал я, что будто бы вышел Фаддей из среды матёрых староверов. Но одно знаю наверное: в своём нынешнем исповедовании Православия сей старец являет пример истовой строгости, кротости и смирения, кои мне иной раз кажутся безмерно превосходящими даже наши суровые монашеские уставы...

— А разве он старец? — засомневался монах из Кенозера Илларион. — Мне сказывали, он в летах вполне зрелых, но ещё далеко не преклонных...

— Внешне его возраст определить трудно. Власами Фаддей то ли с возрастом поседел, то ли сив от рождения... Лицом худошав, изрядно морщинист, телом приметно сгорблен... Но вовсе ж не по личине его старцем почитают, а по аскетическому образу жизни и по святости мысли, — попытался объяснить достоинства праведника-мирянина его олонецкий знакомец. — В бытовании своём он совсем неприхотлив. Ест мало и только постную пищу. Сам себе еду не добывает, пользуется лишь то, что люди ему подадут, да и тем ещё с нищими делится... Под свиткой во испытание телесной

крепости носит на голом теле жёсткую власяницу и тяжёлые вериги с железным крестом...

— Прямо как святой преподобный Афанасий Муромский, — от удивления ахнул совсем ещё нестарый насельник Сунорецкой пустыни Лаврентий.

— В том-то и соль — преподобный Афанасий, уж расставшись с мирской жизнью, в монастырской обители себя подвергал суровым подвижническим испытаниям, а Фаддей Блаженный этак в миру себя истязает. Да ещё временами юродствует, пророчествует, грозит наслать проклятья и беды на всех нерадивых в православной вере али в несправедливом отношении к другим людям... Народ ему потому крепко верит, что Фаддей сам в вере крепок. Аки столп железный! Скоро ты, брат Лаврентий, тоже в том убедишься. Дошёл до меня слух, что олонецкий старец теперь собирается податься в ту северную сторону к реке Лососинице, где по государеву указу затевается какое-то новое большое строительство.

— Верно, немало работных людей понагнали нынче в нашу округу. Они уж лес валят, уголь жгут, роют землю, землянки и бараки строят в устье Лососинки. Сказывают, там большой пушечный завод собираются ставить. Будто бы год назад государевы слуги нашли в тех местах богатейшие залежи болотных руд... Ожидается, что до конца августа к нам придет ближний царский человек, генерал-губернатор Ляксандра Данилыч Меншиков, дабы лично участвовать в закладке завода...

— Значится, впрямь великое дело там зачинается. Своему любимцу Ляксандру Данилычу царь Пётр мелочей не поручает. Он и у нас в Кедринке главным надзорщиком за работами на верфи считается. Все его как огня боятся, но шёпотком о нём говорят с подковыркой: «Нравом крут, хоть сам изрядный плут», — вернул себе роль главного заводилы разговора уважаемый за немалые лета и опыт старец Варфоломей и, словно завершая заявленную тему, задумчиво добавил: — Вот как затейливо в жизни получается. Меншиков, бают, тоже из простолюдинов происходит. И, надо же, в царские любимцы выбился, генералом стал, в кругу высших вельмож теперь едва ли не первый... Но народ о нём больше шутейно отзывается, хоть и с уважительным страхом. А Фаддея Бла-

женного, выходит, за его праведность и бескорыстие люди любят искренне, по делам его...

— По делам и по вере! — снова убеждённо встал отец Ефрем. — Повторю, Фаддей являет миру пример истового исполнения заповедей блаженства, оглашённых Иисусом Христом в Нагорной проповеди. А среди богатеев да властелинов, от безверия увлечшихся иными земными прелестями, немного найдётся тех, кто заслужит Царствия Небесного...

— Брат Ефрем, не распаяйся понапрасну в проповеди нам Святого Евангелия. Тут всем ведомо, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу получить право войти в райские врата, — строго осадил красноречивого олонецкого монаха Варфоломей. — Мы уже поняли по твоим словам, почему праведный Фаддей заслуживает прозываться Блаженным. Слава Богу, неизбывна на Святой Руси православная Христова вера! И всяк, кто ей верно следует, достоин отеческого внимания Господа Вседержителя...

На том возникшая было богословская дискуссия между пустынножителями внезапно пресеклась — в трапезную вошли игумен и келарь. Монахи и Илья почтительно встали, преклонив головы.

— Похоже, отец Павел, мы с тобой упустили сокровенное разглагольствование наших духовных братьев, — пряча невольно мелькнувшую в глазах понимающую усмешку, добродушно сказал келарю настоятель обители Варлаам, не утративший крепости сухощавый старец, по всему видно, наравне с другими иноками немало трудившийся физически в обширном монастырском хозяйстве.

— Так то же вельми похвально, отче игумен, что наши пустынники никогда не забывают попечения о Слове Божиим. На редких общих встречах им самый резон пообщаться вместе на темы богословия, — поддержал настоятеля келарь, старавшийся всячески заручиться поддержкой мало ему знакомых сторонних монахов, поскольку внутренне чувствовал, что постоянно жившая в обители братия его не очень жаловала искренней уважительностью за обычно присущие экономно хозяйствовавшим распорядителям скардность и скупость, которые неизменно накладывали отпечаток недоверчивости и подозрительности на самый характер.

— Пожалуй, я с этим соглашусь, — кивнул

Варлаам. — Что же, братья, мы с отцом Павлом решили продлить ваше общение в монастыре. До отъезда в свои пустыни вы будете сегодня участвовать во всеобщем бдении, кое мы посвятим основателю обители, святому преподобному отцу нашему Лазарю Муромскому. Сию службу проведём в церкви Воскресения Лазаря. Хоть невелика она, но нашей братии там места хватит. А я, пока вы готовитесь, поговорю с новым гостем.

Благословив пустынножителей, отец Варлаам исполненным величия жестом пригласил Белозерского в свою келью, располагавшуюся за внутренним коридорчиком напротив трапезной в самом углу постройки. Из двух застеклённых окошек этого помещения, служившего настоятелю и скромной спальней, и деловым кабинетом, как раз открывались примечательные виды на Онего по обе стороны от курносо задравшегося в озеро Муромского мыса.

Выслушав загодя продуманную просьбу Ильи пожить под святой защитой обители до холодов, пока не уймётся преследующая его по пудожским лесам местная нечисть, умудрённым жизненным опытом прозорливый игумен не выразил никакого удивления с виду фантастическому рассказу путника. Даже бровью не повёл по поводу его удачливого спасения от погони леших, хотя рассказчик благоразумно упустил иные подробности о помогавших ему в побеге чародействах Лессии и о ней самой, но объяснял свой успех то ли случайным стечением обстоятельств, то ли промыслом Божиим...

— Сын мой, за этикие откровения другой бы посчитал безумцем тебя самого и поскорее оградил от людей, дабы всерьёз взяться за изгнание бесов из тебя, грешного, — после задумчивого молчания сказал наконец внимательно взглядывавшийся в юношу Варлаам. — Однако я тебе верю. Прodelки нечистой силы мне изрядно ведомы. Более того, я убеждён, что подобные испытания Господь попускает для вящей проверки праведности человеков. Ежели ты на то сподобился, знать, достоин святой защиты. И пусть ты, Илия, поведал мне далеко не всё, надеюсь, не от неискренности. Понимаю, что ты не на исповеди, с коей наверняка не придёшь по староверским убеждениям к священнику-новообрядцу... Не спорь со мной, а внимай наставническому слову. Мой послушник признал в тебе

купца, который прошлым летом вёз товар даниловским раскольникам на ихней сойме. Благо, ты и не скрываешь тесных отношений с даниловцами. Впрочем, меня сие не особо заботит. Ежели сам государь Пётр Алексеевич заявил о побряжках староверам, так и мы вовсе не обязаны тебя имать али ковать в кандалы... К тому ж догадываюсь, что у тебя в котомке, небось, защитная грамотка Бурмистерской палаты схоронена, коя тебя всяко от досужих наветов оборонит. Да и не бывало в нашей обители этаких подлых привычек. Без доброго соседства с раскольниками вряд ли удалось нам основать монастырские пустыни в тех местах, где живут преимущественно старообрядцы. Я даже, признаюсь тебе, сам не усматриваю среди них ни язычников, ни еретиков... Только ты о том не говори никому. И свои староверские замашки внутри обители приструни, дабы кто невзначай не приметил. Мало ли кругом глупцов-долбоделов, кои кичатся лишь собственной святостью? Не всяк понимает, что Христова вера у нас едина, как един православный русский народ... Посему не буду я возражать против того, чтоб ты, сын мой, в нашем монастыре малость пожил. Определию тебя на жительство в гостевые хоромы, а в послушание назначаю призор за калекими в богадельне. При том надеюсь, что вологодский купец сподобится от щедрот своих хоть полтину Муромской обители пожаловать... Другим как раз скажем, что за пропитание и приют добрая плата дадена, дабы не лезли с лишними вопросами. Годится так, брат мой во Христе Илья?

— Годится, отче Варлаам! — поспешно откликнулся Илья. — Как же прав был мой новый знакомец дед Якуш, говоря о мудрости и справедливости здешнего настоятеля...

— Не искушай меня славословием, сын мой, — с видом заговорщика отечески улыбнулся игумен. — А дабы легче вошёл ты в круг наших монашей, прими-ка ты, Илья, участие в нонешнем всенощном бдении.

Слава Богу за всё!

Проснувшись утром в отведенной ему маленькой келье гостевого домика и споро встав помолиться перед образами, к которым он приставил сохранённую в скитаниях дедовскую

иконку Владимирской Божьей Матери, Илья даже во время чтения наизусть утреннего правила никак не мог отогнать впечатлений от состоявшегося накануне ночного богослужения.

Вёл службу сам отец Варлаам, глянувшийся парню мудрой старицовой человечностью и внутренней простотой, но в течение всего всенощного бдения вновь выглядевший величественно строгим, неприступным и, казалось, беспощадным к любым проявлениям человеческой греховности, вплоть до самых малых слабостей и невольных промашек. Проникновенный густой баритон игумена, издавна хорошо поставленный и ничуть не треснувший с возрастом, сурово обличал людские пороки и настойчиво призывал к покаянию, гневно клеймил заблудших и смиренно просил у Бога прощения верным чадам Его, резонансом откликался в сердцах братии, порождал в них воодушевлённые молитвенные порывы, упрямо вёл за собой к горным высям через очищение от всяческой скверны.

Набившиеся внутрь древней храмины полтора десятка монахов и послушников, не замечая тесноты, словно забыли о мирской суете, с отражавшимися от пламени свечей горевшими глазами вдохновенно подхватывали общие молитвы и напевные псалмы, вслед за словом пастыря соединяли струнки своих голосов в единую гармонию служения во имя Троицы Единосущной, Сына Божия Христа, Пречистой Богородицы, святого преподобного аввы Лазаря Муромского, всех небесных сил и всех святых заступников православных христиан...

Белозерский тоже всецело увлёкся эйфорией отлаженного церковного действа. В ходе службы у него ни разу не возникло ни сомнений в правильности её ведения, ни мысли о разноверии со стоявшими рядом иноками, не обращавшими внимания на то, сколькими перстами крестятся соседи, верно ли произносят слова молитв или иные из них, споткнувшись по забывчивости, пропускают, на миг примолкают, украдкой вытирая вспотевшие от духоты лица, но потом снова включаются в общий хор.

Пытаясь понять, почему он почти не почувствовал в состоявшейся службе иного, новообрядческого, духа, Илья припомнил недавние слова отца Варлаама о древнем единстве православной веры и тут же перенёс их на глубоко впечатливший его внешней простотой

Лазаревский храм, срубленный ради служения Богу ещё в XIV веке, задолго до всяких церковных расколов и раздорах.

Снаружи эта постройка могла выглядеть обычным деревенским амбаром, если бы крышу над её центральной бревенчатой клетью не украшала увенчанная восьмиконечным крестом главка на высоком барабане. Покрытые засеребрившимся от времени осиновым лемехом, они контрастно выделялись на скатах кровли, выстланных красным тёсом с обработанными в виде усечённых пик концами. Ещё более выразительной делали крышу проторенные вдоль лицевой части теснин округлые ложбинки, которые кроме добавления декоративности одновременно служили для стока дождевой воды. Другие скромные элементы орнамента — вырезанные волнами широкие причелины — прикрывали от попадания влаги края кровли. Получалось так, что буквально все детали отделки загодя продумывались с учётом их практического функционального назначения.

Илюхе эта картина ясно напомнила привидевшийся во сне в Вологде и манивший его в приключение на север далёкий таёжный скит с такой же седой главкой и восьмиконечным крестом. Правда, ему, кажется, приснилась совсем простенькая односрубная часовня. А церковь Воскрешения Лазаря составляли также алтарный прируб с восточной стороны и небольшие сени с западной, одинаково чуть уступавшие по высоте центральному строению, что прибавляло тому ощущение духовного возвышения.

Внутренний облик храма тоже выглядел выразительно: массивные дверные косяки напоминали античные колонны, а широкие плахи половиц походили на тяжёлые каменные плиты, из которых перед алтарём вырастали расписные столбики ярко украшенных царских врат и двухрядный иконостас, составленный из написанных искусными северными мастерами на цельных липовых досках старинных икон. Центральными в нём были образа Лазарева воскрешения и Пречистой Богородицы Одигитрия, а в деисусном ряду обращали на себя внимание иконы с изображениями архангелов Гавриила и Михаила, апостолов Петра и Павла, святых Флора и Лавра...

Внимательно глядясь в строгие иконописные лики и проникшись святой благодатью древнего храма, увлечённый волнами молит-

венных песнопений молодой раскольник как раз утвердился в признании общих корней Православной веры, которую, по его разумению, вовсе незачем было делить на старую и новую. С таким чувством, примирившим его с обстоятельствами бытия, Белозерский встретил свой первый день в Муромском монастыре. Утреннюю церковную службу он всё-таки пропустил, но на следующий призывный зов подвешенного на столбе малого колокола откликнулся — так по здешней традиции насельников обители собирали на общую трапезу, после которой настоятель распределял инокам поручения, вызванные появлявшимися потребностями.

Для исполнения назначенного ему послушания Илью определили под начало управлявшего богадельней иеромонаха Симеона, невысокого черноволосого мужчины лет сорока с окладистой бородой и греческим профилем. Из рассказов самого Симеона, ничуть не скрывавшего своего прошлого, выяснилось, что в миру, с малолетства оставшись беспризорным сиротой, он вынужден был побираться и воровать, за что трижды попадал в острог, не однажды жестоко пытан на дыбе, нещадно бит батогами, но, слава Богу, после удавшегося побега из-под стражи остался жив, счастливо избежал наложения на лоб раскалённого клейма и ссылки на каторгу за Уральский камень.

Нелёгкие испытания вовсе не ожесточили его душу. Наоборот, приняв монашеский постриг и обретя успокоение, Симеон открыл в себе талант безропотного и беззаветного служения другим людям, не менее его пострадавшим от тягот жизни, от ярма крепостнической неволи, от горестных скитаний или полученных в ратных схватках увечий. За полтора десятка лет выпавшего на его долю послушания по уходу за больными и инвалидами он не утратил остро переживаемого сострадания, отражавшегося в его лучившихся лаской карих глазах, всегда горевших искоркой внутренней боли, принимаемой им на себя вместе с его подопечными.

— Быть может, за былые мои прегрешения Господь не откроет мне после земной кончины врата рая, но старцы говорят, что о будущей судьбе исправно несущего свой крест монашеского люда радеет сама Пречистая Дева Мария. Она обещает инокам пусть не райское блаженство, но вечный покой. Слава Пресвятой Богородице,

нашей небесной защитнице и заступнице! — так почти сразу при знакомстве объяснил отец Симеон Илье свою твёрдую жизненную установку.

Илюха, ставший свидетелем того, с какой заботой ухаживает Симеон за обожаемыми его калеками, подивился его способности к самоуничтожению. Уж кого грехи впрямь в рай не пускают, так это его самого — потерявшего разум балбеса, влюбившегося в лесную деву... Но всякий самозабвенно пекущийся о здравии других людей добрый самаритянин по Евангельскому определению в полной мере достоин прощения Небесного Отца.

Келья Симеона располагалась на первом этаже богадельни рядом с общей комнатой, в которой жили ещё три подчинённых ему послушника. Напротив находилось помещение для осмотра больных и кладовая, где хранились необходимые в медицинском деле принадлежности: склянки с целебными отварами и мазями, чистые холсты для перевязок, корпия, пучки лекарственных трав, берестяные туски с черенками морошки и малины, листом толкнянки и брусники, бочонки с мёдом и мочёными ягодами, которые тоже использовались как витаминные добавки и средства понижения жара...

Второй этаж разделялся на две палаты. В одной находились пятеро лежачих больных и умирающих, возле которых ежесуточно дежурили сменявшие друг друга послушники. В другой спальне вдоль стен стояли крепкие нары для семи способных самостоятельно передвигаться калек. Четверо потеряли в боях кто левую, кто правую руку. Один бедолага остался без обеих кистей — за ним ухаживали с особым тщанием — кормили с ложечки. Двое одноногих пользовались грубо сколоченными костылями. В случае крайней нужды палата ходячих громко звала на помощь не кого-то из послушников, но именно сердобольного Симеона, коего кликали по-разному: одни — Сёмой, другие — Симой.

— Сима, милоч, помоги калеке! У меня снова культя закровянила... — звавший сверху на помощь голос показался беседовавшему с отцом Симеоном Илье очень знакомым. Вологжанин сначала просто не поверил в вероятность подобной встречи, но по следующему выражению наверняка узнал говорившего: — Да хоть бы всеильный Господь мне новую ногу подарил, матушки вы мои!

Точно, кто же ещё это мог быть, как не зубоскал Мишка Кириллов... Прихватив с собой чистую перевязочную холстину и какой-то пузырёк с останавливающей кровотечение мазью, Симеон поспешил на второй этаж, но Илья его обогнал, опрометью бросившись на встречу с троюродным братом.

— Миха, братан! Да ты ли это? Где ж тебя так изувечило? — вбежав в палату, Белозерский сразу кинулся обнимать сидевшего на нарах инвалида, до того разглядывавшего покрасневшую от крови перевязку на отрезанной по колено левой ноге.

— Матушки вы мои, Илюха, а ты-то как здесь очутился? Ты же давно должен был в Вологду из Данилова вернуться, — осунувшийся от потери крови и пережитых страданий солдат, сохранивший лишь призрачную видимость большого и сильного тела, в свой черёд опешил от изумления.

— О себе я потом всё подробно обскажу. Сначала давай-ка ты, Михаил Фёдорович, поведай о своих злоключениях. Как с тобой этакая беда приключилась? Жив ли Фролка?

— Огорчу я тебя, братишка, минувшей осенью Фрол Павлович Белозерский на моих глазах пал геройской смертью при штурме Нотебурга, — печально ответил Миха, но над своей бедой следом снова стал подшучивать: — А мне тогда шведским ядром полноги оторвало... Весь бор сожгли, да мой соловушек по своему гнёздышку плачет. Вот с тех пор маюсь как неприкаянный. Благо ещё меня за казённый вклад определили сюда, под монастырское призрение, под пригляд нашего заботливого батюшки Симы...

— Вы, что ли, в самом деле брата? — спросил подоспевший за Ильёй отец Симеон. — Надо же такой встрече случиться! Неисповедимы пути Господни... Однако вы уж погодите пока обмениваться воспоминаниями. Наговориться потом успеете, а сейчас надобно скорее кровь остановить...

Некоторое время спустя после умело сделанной перевязки, убедившись, что кровотечение совершенно прекратилось, брата с разрешения отца Симеона вышли в монастырский двор и уединились для разговора в кустарнике над прибрежным обрывом. Там ясно чувствовалось, как проявляются в природе признаки приближающейся осени. Иные бе-

рёзки успели одеться в праздничные жёлтые наряды, а в густых зарослях иван-чая между радовавшими глаз летом розовыми соцветиями высокой гармы появлялось всё больше взлохмаченных пушистых вершинок, не соривших сейчас пухом лишь потому, что кругом установилось редкое безветрие белой тиши. Грозное Онего тоже притихло от полного штиля, сверкая под солнцем чешуёй чуть колебавшейся поверхности.

По пути Илья приметил, что Мишка уже навелся пользоваться сделанными под его рост прочными костылями, уверенно передвигался с их помощью довольно широкими прыжками на здоровой правой ноге. Видать, свыкся с утратой. Хотя можно ли вообще привыкнуть к отсутствию, казалось бы, неотъемлемой части твоего тела, которую прежде ты вроде просто не замечал, пока она случайно не заболит? А теперь вот нет её вовсе, но нога постоянно о себе напоминает, иногда даже будто в пятке колет или ноет в колене, забудешься, потянешься пощупать — да там пустота...

Точно так же откликается острой болью в душе память об ушедшем из жизни близком человеке. Пока не знал ты о его гибели, он оставался для тебя живым, здоровым, обещавшим в будущем непременно встречу. Но когда узнаёшь о его смерти, переживаешь горькую потерю в момент известия о ней, пусть случилась она на восемь месяцев раньше.

— Никак не могу я примириться с мыслью, что брата Фрола с нами больше никогда не будет рядом. Помнится, на третий день после Успения мы всегда его именины отмечали. Точно, как раз завтра наступит его конский праздник, день лошадиников Фрола и Лавра... — горестно выдохнул Илья, когда помог Михе поудобнее присесть на краю спускавшегося к озеру обрыва и сам пристроился по соседству.

— Да уж, матушки вы мои, такова рискованная солдатская доля. Мне вовсе не забыть миг его кончины... — поддержал печальную тему Кириллов. — Сначала я тогда подумал, что он просто споткнулся на вершине пролома, куда мы добрались почти одновременно. За рукав его схватил, но удержать не смог... Так мощно между нами ядро жакнуло, что и себя я тоже в то мгновение похоронил... Ан, надо же, выжил. Лучше бы Фролке моя удачливость досталась. У него всё ж

молодая жёнка и сынок малой в Вологде остались. Каково им теперь без кормильца?

— Думаешь, дошла до них весть о смерти Фрола? — засомневался Илюха.

— Должны были передать... — задумавшись о своём, откликнулся Мишка. — А я вот о себе решил никому не сообщать. Пусть родные думают, что в плен попал, но жив остался.

— Зря ты так, Миха. Для родичей мы в любом состоянии дороги.

— Нетушки. Не хочу я быть обузой семейству, — упрямылся брат. — Ну, сам посуди, какой из меня сейчас работник? Мешать всем буду. Известно же, матушки вы мои, безногий завсегда у здоровых под ногами пугается. Тут, как ни ворочай, да одна нога короче. С горки хоть вскачь, а на гору хоть плачь.

— Пусть и брат ты мой, да ум у тебя свой. Может, ещё передумаешь? — с надеждой взглянул Илья на Кириллова.

— Уж и не знаю, братишка. Там видно будет. Ежели приспособлюсь к этакой жизни да ежели рана на культе зарастёт, тогда подумаю... Пока раненько об том говорить. Чем этакого шелудивого брить, не лучше ли сразу опалить? — продолжал подшучивать Миха.

— Ладно, думай, время у тебя есть. Слава Богу, голову на плечах сохранил. Я ведь тоже после своих приключений не собираюсь в Вологду возвращаться. Помнишь, ты мне сам пророчил иноческую судьбину. Так тому и быть. Останусь жить в Данилове... — твёрдо заявил Белозерский.

— Матушки вы мои, видать, и тебя жизнь потрепала. Ну, рассказывай подробнее, что с тобой случилось, — попросил Михаил с искренним интересом.

Долго братья сидели на онежском берегу, делясь воспоминаниями о случившихся за год событиях. Мишка ахал от впечатлений Ильи о встречах на Осударевой дороге с царём Петром, Александром Меншиковым, сержантом Щепотевым, но больше от его невероятных водлозерских быличек. Илюха узнал от Кириллова о его участии в облаве на дезертиров близ порожистой Шуи и экспедиции по поиску болотных руд в районе реки Лососинки, где теперь начиналось строительство пушечного завода и будущей Петровской слободы, о взятии Нотебурга и Ниеншанца, о совершившейся в праздник Святой Троицы закладке на

пустынным побережье Балтики новой столицы России — Санкт-Петербурга...

Сколько воды утекло в реках — сколько всего произошло в подлунном мире в течение одного только года, ставшего уже состоявшимся прошлым в непрерывном историческом потоке, включившем в свой непредсказуемый водоворот их личные судьбы.

Ай, впрямь, у кого как судьбинушка складывается — то как добрая песня слаживается, то как горькая заплачка по голымым неудачам. Иной раз совсем не думаешь, не гадаешь о желанной удачливости, да она сама тебя невзначай щедро одарит — или смертоносная пуля мимо проскочит, или нечистая сила стороной протопочет. А бывает, размечтаешься не в меру о чём-то заветном, вроде учёшь всякие верные приметы, сам позаботишься обо всём, руки к делу приложишь, да ничего толком не сможешь. Вот-вот уж, кажется, с ходу накатишь и жар-птицу за хвост ухватишь, но она в последний момент выскользнет из расставленных силков, взлетел журавль в небо — и был таков... Не зря в мире говорится: с Богом лучше не рядиться, раз своим умом живёшь — что посеял, то пожнёшь. Старцы-староверы заведи мудро, на табличках заповеди записав в строку: Бога прославляйте, встав здоровым утром, возлюбите ближних, не клонясь греху... А в столбцах, напротив, в уоужденье бесам из дурных поступков складывай слова. Когда жизнь накажет, придавив всем весом, так признать придётся, что она права. Удалые ж молодцы да девицы-красавицы, по заветам Севера, обходи столбы. Господу помолимся: пусть сбудется, что станется — как удача свернется с линией судьбы.

Вместо эпилога

И жизнь становится легендой

С той поры минуло тридцать лет. В начале зимы 1733 года, когда уж густым снегом укутало северную тайгу и крепко встал лёд на Онего-озере, через Заонежский полуостров по укатанной дороге от Толвуи к Великой Губе и далее на остров Кижы катились запряжённые тройкой бодрых лошадок открытые сани с четырьмя седеками. Правил ими, сидя на облучке, крестьянин из водлозерской Коскосалмы Артём Ники-

тич Дмитров, вслед за своим дедом-большаком Егором Фомичом продолжавший поддерживать тесные связи с Даниловской обителью на Выге. Вот и нынче он подрядился в дальнюю дорогу по насущным монастырским хлопотам. Сначала доехал до Данилова с известием о кончине хранителя тайной кладовой староверов, спрятанной посреди бескрайних водлозерских болот. Обрато вёз усопшему сторожу сменщика с двумя помощниками.

Присоседившемуся рядом с возницей молоденькому послушнику Максимке предстояло стать вестовым, обеспечивающим связь того укромного убежища с внешним миром. Инок Серафим, в миру прозывавшийся Иваном Воронцовым, должен был жить вместе с курьером на устроенной возле края болот лесной заимке и ждать сигналов от главного хранителя тайника, которые подавались дымом кострища. По уговору с береговыми товарищами короткими белыми дымами отшельник изредка сообщал о необходимости пополнить запасы своего скромного пропитания, а долгим чёрным дымом извещал об ожидаемом им самим уходе из земной жизни. Как раз такой дым углядел в конце осени дежуривший на берегу наблюдатель, передавший весточку дальше с предусмотренной эстафетой.

По бытующей в Водлозерье легенде, болотный островок, на котором раскольники выкопали свой вместительный тайник, окружала вода из тёплых подземных источников, отчего подходы к нему никогда не замерзали, а потому по единственной заветной тропке туда можно было добраться будто бы лишь раз в сорок лет. Это, конечно, выдумка. Знающий человек мог дойти к острову каждый год, но впрямь только морозной зимой и по верным приметам, способным спасти путника от гибельного шага в прикрытую хрупким ледком трясиною. А упоминаемый в байке временной отрезок, вероятно, связан с предельным сроком, на который уходили в отшельническое служение старцы-хранители.

По слухам, в том убежище хранились для будущих поколений редкие древние иконы, рукописи, старопечатные церковные книги, в том числе, возможно, заимствованные протопопом Аввакумом в его бытность царским библиотечарем из коллекции Ивана Грозного, а также драгоценные оклады, кресты, ризы, золотая да серебряная храмовая утварь и даже та

самая воспетая в народных финно-угорских преданиях выкованная легендарным кузнецом Илмариненом золотая баба, которую принявшие Православие карелы передали христианским миссионерам. Рисковые охотники за сокровищами не однажды пытались найти староверский тайник, но или возвращались из тайги несолоно хлебавши, или не возвращались совсем, заплутав в дебрях и утонув в топях.

Следующим хранителем сокровищницы ставший к тому времени настоятелем Даниловской обители Симеон Денисов назначил своего давнего знакомца и ровесника священноинока Илию, уже имевшего немалый опыт пустынножительства в отдалённых скитах. Это был некогда приехавший из Вологды в Выговский сузёмок купец Илья Белозерский, который при пострижении в монашество не изменил данное при рождении имя в знак особого уважения к библейскому пророку, своему небесному заступнику.

На остров Кижы путники свернули именно по его настоянию. Перед уходом до своей кончины в отшельнический затвор монаху очень хотелось увидеть удивительный Преображенский собор, за два десятка лет до того срубленный там умелыми северными плотниками. Молва об этом чуде русского деревянного зодчества катилась по всей России и, конечно, не обошла стороной близкие к нему староверские пустыни.

Одетые поверх ряс в просторные овчинные тулупы и по пояс прикрытые от ветра плотной конской попоной, плечо к плечу сидевшие сзади на мешках с запасом провизии, монахи дремали. Изредка приоткрывая глаза, Илия видел вокруг заснеженные стены леса, вдруг напавшие ему прощальную поездку с братьями из дедовской усадьбы на Шексне в Кирилло-Белозерский монастырь. Кажется, это было на Радуницу. Пожалуй, именно с того дня началось его нескончаемое путешествие на север. Ну да, в тот вечер он как раз познакомился с большаком Даниловской пустыни Андреем Денисовым, договорившись тогда с его отцом Павлом Ерофеичем о поставках зерна для староверской киновии на Выге.

Сколько событий после того произошло... Конечно же, главным из них осталась в памяти сердца судьбоносная встреча с зеленоглазой красавицей Лессией, подарившая молодому

володжанину великое чувство любви, за что потом насланы были на него страшные испытания в бегстве от лесных духов. Помнится, он укрылся от нечисти в Муромском Свято-Успенском монастыре, куда с утверждением зимы заехал за ним Егор Фомич Дмитриев, чтобы отвезти в Данилов.

Бывалый полесник из Коскосалмы рассказывал, что в том году после Успения Пречистой Богородицы в Водлозерье долго бушевала невиданная буря. Так лесной хозяин, гневливый папаша Лессии, излил в каверзах природы горечь от побега не наказанного им обидчика Ильи, взятого под защиту Онежским водяным, и следом скрывшейся неведомо куда дочки. Впрочем, Илюха-то с ней никогда не расставался, накрепко связанный с любимой переключкой душ...

Год спустя на Выг с очередным хлебным обозом приезжал его отец Павел Ерофеич Белозерский. Он надеялся зазвать сына домой, пытался отговорить от пострижения в иночество, но всё-таки вынужден был смириться с твёрдо избранной им судьбой. Скрепя сердце благословил на духовное служение. Зато на обратном пути забрал в тот раз из Муромской обители в Вологду калеку-брательника Мишку Кириллова, заменившего им с супругой Ульяной Гордеевной утраченных родных сыновей.

Ещё через три-четыре года снова началась затнувшаяся на пять лет полоса перебоев с хлебными поставками из-за всеобщих неурожаев. Опять Даниловская пустынь с трудом пережила голод и ропот ослабевших духом насельников. Андрей и Симеон Денисовы с другими доверенными иноками, в числе которых оказался Илия, разъезжали по городам и весям России, собирали милостыню для братии, а заодно с мирскими хлопотами присматривали редкие старопечатные книги и другие староверские реликвии.

В одной из таких поездок расколоучителя Симеона велел словить и заточить в острог Новгородский митрополит Иов. Вызволить его оттуда не удавалось четыре года. Не помогло даже обращение Андрея Денисова за заступничеством к высоким государевым вельможам. Андрей к тому времени успел тайком поучиться в Киево-Печёрской лавре у православного архипастыря Феофана Прокоповича, приобрёл широкую известность и уважение за ум и красноречие. Да к тому же щедрые посулы,

на которые он не скупился, открывали ему двери в дома знати и в сам царский дворец. Но все усилия были тщетны.

Единственное, чего удалось добиться (и чего в отношении раскольников прежде не бывало!): государь Пётр Алексеевич лично соблаговолил встретиться с отцом Симеоном, беседовал с ним на богословские темы, оценил его великие познания и распорядился пленника в остроге не мучить, но правым словом и мудрыми наставлениями убеждать в официозном Православии. Случилось, правда, обратное. Упрямо стоявший на своём красноречивый расколоучитель сумел обратить в старую веру своего охранника и вместе с ним сбежал из заточения на вольный Выг.

Разрешённое свыше духовное соперничество выгских старообрядцев с насылаемыми на них Синодом священниками вылилось в 1723 году в их знаменательное разглагольствование в Петровской слободе с иеромонахом Неофитом. Как ни пытался не слишком искушённый в тонких богословских дискуссиях синодский ставленник обличить староверов в ереси, это у него мало получилось. Зато более заметным итогом тех диспутов стало появление на свет выдающегося литературно-духовного памятника эпохи — знаменитых «Поморских ответов», главным автором которых стал премудрый Андрей Денисов, подаривший последователям настольную книгу наставлений в исповедании древлеправославной веры.

В чередѣ воспоминаний Илии путались то приятные, то печальные моменты. Особенно лестно ему было сознавать, что своей давней хлебной помощью из Вологды он положил начало упрочению благоденствия Даниловского общинно-жительства. Пережив неурожайные годы, староверская обитель всё более расширяла хлебную торговлю и уже не только собственные нужды сполна обеспечивала продовольствием, но стала одним из крупнейших поставщиков зерна в новую российскую столицу Санкт-Петербург, на чём теперь зарабатывала изрядную прибыль. Кроме того, выговцы активно проявляли себя в других предпринимательских начинаниях: рыбу ловили аж у берегов Груманта, Матки и Канина Носа, развели в Карелии богатые серебряные рудники, а медь добывали даже на Алтае, другие свои заводы основали на Урале, по соседству с демидовскими.

Не так давно выговский посланец Гавриил Симеонов привёз в дар от Акинфия Демидова Даниловской обители тридцатипудовый медный колокол и несколько малых... Ну да, как раз три года назад — после случившейся 1 марта 1730-го кончины многомудрого Андрея Дионисевича, коего провожали в последний путь более двух тысяч собравшихся на похороны насельников.

А первым из большаков-основателей за одиннадцать лет до того в расцвете лет оставил сей мир строгий уставщик Пётр Прокопьев... Как личную горькую утрату переживал Илия и последовавшую затем смерть государя-императора Петра Великого, запомнившегося ему не в грозной славе антихриста-самодержца, но в простецком общении с народом в Козленской слободе и в суровом быту воинского похода на Осударевой дороге... Усопшего спустя год другого раба божьего Фаддея Блаженного вологжанин тоже включил в свой поминальный список. С этим удивительным святым подвижником, предсказавшим кончину не однажды беседовавшему с ним царю Петру, ему тоже доводилось встречаться, бывая по монастырским делам в растущей Петровской слободе... Наконец, последним, в отпевании кого участвовал сам священноинок Илия, был почивший незадолго до их отъезда из обители Данила Викулич, муж благочестивый и славный учитель выговских общинников...

На тот злополучный год пришлось ещё другие важные для даниловцев происшествия. Сначала навет «о ворах и раскольниках Выговской пустыни» донесли до самой императрицы Анны Иоанновны невесть за что обидевшиеся на единоверцев бывшие насельники Данилова Кузнецов и Халтурин. Но это предательство им вышло боком. Благоволившая к работающим старообрядцам царица, немало пропитавшаяся за время жительства в Курляндии протестантским духом, не желала преследовать раскольников за всякую мелочь. Она отдала донос суровому обер-прокурору Павлу Ягужинскому со строгим наказом: «Возьми сию челобитную и оных челобитчиков за крепкий караул и в сей вечер испытай их накрепко по оной челобитной...»

Рассказали об этом выговскому летописцу Ивану Филиппову вернувшиеся из Санкт-Петербурга толвуйские плотники, да в таких мрачных красках, что общинники немало пожалели о

своих былых «непокаявшихся» собратях. Однако же не прекращавшиеся случаи доношительств на окрепшее раскольничье гнездо становились всё более тревожными сигналами из оставшегося враждебным и противостоящим староверам антихристового мира.

Другое нестроение возникло недавно внутри самой обители из-за размолвки по некоторым житейским и церковным установлениям. В том споре столкнулись между собой уставщик Трифон Петров и Симеон Денисов, которого поддержал тогда священноинок Филипп, сменивший Данилу Викулина в роли духовного наставника пустыни... Продолжавшиеся распри по поводу уставных мелочей, казавшихся противоборствующим сторонам чуть ли не мировоззренческими, в будущем привели сначала к решительному разрыву с монастырём Трифона Петрова, а потом и не менее упрямого старца Филиппа, отступившегося от выговского Поморского согласия. Хоть малы были причины, да грехи случились велики.

Вспомнив о внутренних разборках, раскалявавших единство сторонников самой древлеправославной веры, Илия невольно порадовался тому, что навечно уходит от них в затвор. Последние годы он привык одиноко жить в глухом таёжном скиту, допуская в сужившийся круг общения лишь изредка навещавшего его Симеона Дионисевича и обосновавшегося на пустынножительстве в недалёком соседстве отца Серафима, коего полюбил с юности, когда тот был ещё расторопным отроком Ванькой Воронцовым.

— Глянь-ка, Вань, ой, прости, брат Серафим... Впрямь дивный храм срубил мастер Нестер со своей артелью! — Илия толкнул крепко дремавшего спутника в бок, когда, миновав по льду озера деревеньку Ямка, сани подкатили к южной оконечности острова Кижы, где открылся вид на впечатляющий двадцатидвуглавый собор, огороженный по периметру бревенчатой стенкой.

— Знамо дело, люди врать не будут... — очнувшись от сна, давний знакомец открыл заспанные глаза и обомлел от изумления: — Ух ты, даже не верится, что сие божественное диво руками простых человеков сотворено. Спаси ты, Господи, отец Илия, за то, что ты решил свернуть с назначенной нам дороги, дабы полюбоваться столь величественным храмом.

— И то верно. До сего мгновения я зело рас-

страивался, что мы этакий крюк со своєю пути загнули. Но теперь понимаю, было чего ради. На такие чудеса встали дыбом волосы, — остановив перед берегом лошадей, восхищённо согласился с монахами Артём Дмитров.

Под алыми отсветами раннего зимнего заката близкий многоглавый собор словно пламенел внутренним светом — так искусно отражали косо падающие на него солнечные лучи украшавшие его сложную конструкцию покрытые серебристым осиновым лемехом фигурно изогнутые скаты кровель, луковичные главки и высокие бочки под ними. Со стороны свечение этого архитектурного костра напоминало ступенями сужающуюся к небу пирамиду, выстроенную будто по всему кругу лестницей к Богу.

— Меня так и подмывает взбежать по тем ступенькам в самую высь и вслед за нашими святыми отцами-подвижниками сгореть в пламени той верхней свечки... — не сдержался от выражения восторга белобрысый Максимка, в глазах которого тоже отражался закатный огонь.

— Зачем же торопиться? Людская жизнь без того коротка. И дадена она на то, дабы каждый человек свою небесную лестницу на грешной земле сам успел построить. Зело знающие в том толк великие мастера поставили сей храм для утверждения таковой мысли и для вдохновения нас в её осуществлении. Низкий им за то поклон, — Илия трижды перекрестился на кресты собора и в пояс им поклонился.

Спутники последовали его примеру. Потом все некоторое время стояли молча. Никому из них не пришлось вспоминать слова молитв, лившихся из самого сердца. Внутрь церкви не пошли, чтобы избежать вероятной свары с новообрядцами. Каждый и так чувствовал в себе оставленный Преображенкой мощный заряд духоподъемной силы. Переночевали в ближней Ямке и, как только посветлело, отправились в путь, чтобы более не задерживать исполнение порученной им миссии.

Теперь Артём Никитич осмелел. Прежняя боязнь строгого монаха Илии у него прошла, когда он узнал в нём того самого дядю Илью, некогда гостившего в их округе на Волдозере.

— А вы, видать, меня так и не признали, отец Илия. Вспомните Артёмку, внука Егора Фомича Дмитрова из Коскосалмы. Конечно, я тогда совсем малой был... Но вас хорошо запомнил — с го-

лубой кольчугой, с диковинным кинжалом и пистолями... — обернувшись вполбока к задним сидокам, решился наконец возница завести разговор со старым знакомым.

— Ну как же, приходило мне в голову, что ты мне кого-то напоминаешь. Вот, значит, кто ты есть. Кажись, Артём Никитич тебя величают, — обрадованно откликнулся Илия. — Что ж раньше не признался?

— Да сомневался всё. Но как услышал, что вы заговорили с отцом Серафимом, что уже бывали в наших краях, так смекнул вполне, — объяснил былую скромность возница.

— Остался ли кто живой на Водлозере из тех, кого я знавал? — глаза монаха загорелись искренним любопытством.

— Сестра моя Дарья с Николаем Архипычем Онуфриевым здравствуют... — взялся перечислять колгостровский старожил. — Иные соседи их возраста тоже живы. А дедушка лет десять ещё поскрипел после вашего отъезда от нас, но уж как меня оженил, так и сдал совсем, вскоре Богу душу отдал. Бабушку Василису и мамушку мою Настасью Игнатьевну я тоже схоронил. Разве что ещё Савва Каргополец в Пильмасозере да Варвара Журавлиха в Кургилове век свой догрызают...

— А что с тем дедом-ведунном случилось, с Пешей Кореляниным?

— Ён долго держался... Да уж лет пять как исчез, — Артём Дмитров почему-то стал делать долгие паузы в ответах, словно подыскивая точные слова для изложения переполнявших его сведений. — Правда, усопшим его никто не видел. Люди бают, что ён вовсе не умер, но в какие-то иные миры ушёл и там снова молодым сделался... И вот что дед перед своим уходом сказать успел. Вроде как вернулась в наш сузёмок лесная дева Лессия... Баяли, что ёна где-то в Сибири пряталась, поскоку вопреки воле отца-лешака родила там девочку от мужачеловека. Как в то не поверить, ежели наши бабы-водлозёрки запросто сожительствуют с домовыми, а одна дак аж от медведя дитя прижила... Иные полесники потом тоже в тайге саму Лессию примечали. А кто-то её впрямь с женщиной помоложе встречал, красотой с ней схожей... Будто то и есть её дочка — Синильгой кличут. Однако врать не буду, мне самому с ними стренуться не доводилось...

Артём продолжал что-то рассказывать о жизни обитателей водлозерского сузёмка. Однако Илия его уже не слышал, углубившись в свои воспоминания и думы об ожидающей его скоро встрече с любимой.

Всё-таки Лессия, как обещала, вернулась в родные места. И он тоже едет туда, где они останутся вместе до скончания времени — в вечном покое, который Пречистая Богородица устраивает всякому монаху. Наконец-то Илья и доченьку свою увидит. Как дивно звучит её имя — Синильга. Похоже, он его не однажды слышал прежде от странников, приходивших на Выг из-за Уральского камня. На просторах Сибири именно так прозывают какую-то лесную деву, ставшую добрым духом тамошней тайги. Неужели это о ней говорят — о его дочурке? Вот ведь как затейлива жизнь... Оставишь её, и какой-то след за тобой обязательно останется. Или хотя бы память. И будут потом будущие земные жители петь песни, в которых никогда не сгинет частичка твоей души:

*Росу луговую склевала синица,
Над дальним болотом клубится рассвет,
Мы снова уходим, и снова Синильга
Берёзовой веточкой машет нам вслед...*

Словарь

значения устаревших и диалектных слов

Божатка — крёстная мать, крестнуха.

Большак — глава староверской общины или отдельного крестьянского хозяйства.

Буткать — загонять рыбу в сеть движением в воде длинной жерди — торбала.

Гарма (*вепс.*) — иван-чай.

Голик — метла из оставшихся без листвы прутьев.

Грызть — причинять боль; долго жить в тягостях.

Готяжок — тесьма, привязывающая волокно к прялке; ленточка для украшения.

Евдошка (*карел.*) — молодой сиг.

Ердан — прорубь (*от крещенского понятия «иордан»*).

Заглевешая — непросушенная, покрывшаяся слизью рыболовная сеть.

Кава (*вепс.*) — причальное дерево или кол, к

которому привязывают лодку.

Канги (*финск.*) — валенки, мягкая обувь из меха или войлока.

Кережи, кережки (*саам.*) — ручные санки с деревянными боковинами.

Кокора — корни поваленного ветром дерева.

Коньмалое — немалое (*конь — в значении от-рицания*).

Коппола (*карел.*) — самка глухаря.

Кореха (*вепс.*) — корюшка.

Корба (*финск.*) — низина, поросшая густым ельником; дремучий лес, чаща.

Кортех (*вепс.*) — хвощ; лещ из улова в период выростания хвоща над водой.

Крестовый ветер — западный.

Курма — ловушка для шук.

Лахта — мелкий залив, губа.

Лемех — деревянная кровельная черепица, обычно из осины.

Лонись — в прошлом году.

Лопь лешая — саамские племена.

Луда — каменистая отмель под водой.

Малтать — понимать.

Мойва (*финск.*) — здесь в значении: всякая мелкая рыба.

Нудья (*нодьа*) — устройство для зимнего костра из лежащих друг на друге деревьев.

Парва — стая рыб, обычно окуней.

Пешня — лом с деревянной рукояткой для вырубki проруби.

Полесник — охотник.

Полуночь — северная сторона.

Поредня — порядок, уклад, правила жизни.

Причелина — резная доска, прикрывавшая щели под крышей дома (прищелина).

Посул — взятка.

Райда (*карел. и вепс.*) — кол для крепления крыла невода.

Русский ветер — на Водлозере южный.

Рядница — толстый холст или одежда из него.

Ряпукса (*вепс.*) — ряпушка.

Ряцнул — хрустнул.

Сойма — килевое двухмачтовое судно малой и средней грузоподъемности.

Сретение, стренуться — встреча, встретиться.

Сугула (*финск. и вепс.*) — синец; шустрый.

Сузёмки — глухой лес.

Сузёмок — округа, признаваемая общей территорией проживания группы людей.

Тарабара (*карел.*) — маленький лещ, густера.

Торбалло — длинная жердь для буткания с целью загона рыбы в сеть.

Чудь — прозвание русскими ряда финно-угорских племен, в т.ч. вепсов.

□

Андрей Яковлевич ФАРУТИН

родился в 1957 г. в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

*Работал в периодических изданиях Карелии
и собственным корреспондентом московской*

«Независимой газеты».

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Выпустил поэтический сборник «Источники света» (2007),

книгу публицистики «Зерна рода: опыт самоидентификации

русского карела — славянина и финно-угра» (2012).

Член Союза журналистов России с 1980 года.

Заслуженный журналист Республики Карелия.

